

ББК63.3(2)722.78

Л193

Л193 Люди легенд. Составитель М. Г. Свиридов. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1980 г.

312 с. с илл.

Сборник документальных очерков об отважных сынах Башкирии, Героях Советского Союза: А. Естигниеве, С. Бикееве, В. Томарове и других. Рассчитан на массового читателя.

Л 10202 — 20
М 121 (03) — 80 13 — 80

ББК63.3.(2)722.78

© Башкирское книжное издательство, 1980.

ПОЛПРЕД РОССИИ

1

Это подвиг вместился всего в одну минуту, а шел он к нему всю жизнь. Возможно, кто-то уже раньше меня высказал эти слова или подобную мысль, не знаю. Ко мне пришла эта мысль в минуты раздумий о силе духа этого удивительного человека.

Ему было 50 лет, когда он отдал свою жизнь ради спасения боевых товарищей, совершив такой же яркий подвиг, как его юные земляки Александр Матросов и Миннигали Губайдуллин. 50 лет. Это возраст зрелого человека, еще полного сил и в то же время наделенного жизненным опытом, мудростью. Неужели он не мог воспользоваться им, чтобы избежать смерти, найти другой выход? Как это было? Что думают люди в минуты героического порыва? Нет, никогда не удастся извне заглянуть в эти мгновения, которые, как вспышки молний, вывечивают самые сокровенные глубины души человека.

Гляжу на бронзовый бюст, установленный ему земляками на самом видном месте села Пестровка, где он родился и вырос, бегал на местного помещика, мальчишкой купался в изумрудно-чистой речке с веселым прозвищем Месельки, вдыхал аромат цветущей ромашки и шиновника, хороводил под балалайку на додевом клану. Здесь впервые в нем пробудился бунтарский дух, и он дал отпор зарвавшемуся приказчику, а потом взял в руки винтовку и пошел воевать против царского самодержавия, где смело, по-хивийски ступил на землю, освобожденную, переданную

в руки тех, кому она должна принадлежать, и представляю его живым в ту минуту порыва. Вот он один на один со страшной фашистской машиной. Она как чудовище ползет на него, через несколько секунд... Но он не думает о себе. А ведь ему достаточно было сделать прыжок в сторону, чтобы спастись, так как ушел бы из поля зрения прислуги бронетранспортера. Но он думает не об этом. Он мельком бросает взгляд назад, где его командир роты отражает контратаку остервенелых фашистов в рукопашной схватке. К ним-то на помощь и были пущены бронетранспортеры. С одним он уже расправился. Вон он стоит, полыхает!

— Семеныч! — слышит он голос старшины роты, — держись!

А как держаться? Все гранаты постратил на злодеев, одна связка под ремнем у груди осталась.

— Семеныч! — еле доносится до него сквозь взрывы снарядов, стрельбу и грохот моторов голос командира роты. — Останови!..

Это был последний приказ командира для него...

Я стою перед памятником этому человеку, уже многое зная о нем по рассказам оставшихся в живых его одногодков, родных и близких людей. Немало повидал за полвека этот человек, имя которого стало легендой, немало оставил после себя добрых дел, мудрых традиций семейной жизни, которые несут сегодня его пять сыновей и две дочери. Они помнят его лицо, освещенное улыбкой. Случайно оставшаяся маленькая фотография, сделанная для паспорта, сохранила его черты. Они-то и выведены скульптором на этом изваянии. Спокойное мужественное лицо, олицетворяющее величие духа.

Сколько удалось, я узнал о его довоенной жизни, но о том, как был совершен подвиг, было известно лишь из наградного листа. И вот я в читальном зале Центрального архива Министерства обороны. С волнением жду, когда в огромных чемоданах солдаты в сопровождении сотрудницы архива принесут папки, подшивки, пропахшие порохом. Рядом со мной за столами сидят генералы, офицеры, седые ветераны, что-то изучают, уточняют.

Наконец и передо мной появились стопки дел 322-й Житомирской орденоносной стрелковой дивизии и 1085-го полка этой дивизии, в составе которого воевал Александр Семенович Евстигнеев. Тысячи страниц военной летописи. С волнением открываю полковые дела: донесения, рапорты, журналы боевых действий.

В наградном листе сказано: А. С. Евстигнеев погиб 20 января 1945 года. Читаю приказы по полку за январь 1945 года. Возможно, где-нибудь промелькнет имя Героя? Нет, ничего не встретил. Перелистывая полковой журнал, я все ближе подходил к роковой дате. Вот записи от 20 января. Здесь зафиксированы самые разные моменты, вплоть до распоряжения о постановке лошади на

довольствие и благодарности повару за отличную службу. Армия есть армия. Здесь во всем порядок, все учтено, все предусмотрено. На следующей странице, датированной 21 января, подсчитаны потери за всю предыдущую неделю.

«Приказ по 1085 стрелковому Тарнопольскому Краснознаменному полку 322 стрелковой Житомирской дивизии. 21 января 1945 года, № 011. Действующая армия. Содержащие: по личному составу.

Исключить из списков полка и всех видов довольствия сержантский и рядовой состав, убитый в боях в борьбе с немецкими захватчиками за период с 12 по 20 января 1945 года».

Аккуратным каллиграфическим почерком зеленовато-черными чернилами четко выведены фамилии, имена, отчества, место и год рождения, место захоронения недавно погибших воинов.

Его фамилию я увидел сразу, как только открыл страницу.

«...рядовой Евстигнеев Александр Семенович. Стрелок 5 с. р. 1894 г. рожд. Уроженец: Башкирской АССР, Стерлитамакский район, Пестровский с/с, с. Пестровка, убитого 20. 01. 45 г. и похороненного на восточной окраине села Борск-Фолески, Краковского воеводства, братская могила № 1».

Эта запись была сделана на другой день после гибели Героя. Может быть, некоторые подробности удастся узнать из боевых донесений? Читаю запись от 21 января 1945 года.

«...Противник оказывает сильное сопротивление. 1-й стрелковый батальон отбил 8, 2-й — 19 контратак. В этих боях отличились командир батальона майор Гусев, командир 5 стрелковой роты Голушко, командир 4-й стрелковой роты Слепенко...» И обратил внимание на фамилию командира 5-й стрелковой роты, в которой служил Александр Семенович, — Голушко. До этого из других документов я узнал, что командир роты Голушко в этот день, 21 января, был ранен и отправлен в госпиталь. Голушко сменил на этой должности Боляева Дмитрия Сергеевича, отправленного с тяжелым ранением в тыл 17 июля 1944 года, призывався из Смоленской области, Козельского района. Ему было тогда всего 20 лет. А Иллариона Михайловича Голушко сменил Николай Павлович Журавлев. И я решил им и еще семи бывшим командирам 5-й стрелковой роты отправить письма с просьбой рассказать о боевом пути Александра Семеновича Евстигнеева. Где проживают ветераны в настоящее время — не известно, сохранились лишь наименования военкоматов, откуда они были призваны в действующую армию. Я воспользовался этой единственной возможностью, написал. Первыми откликнулись односельчане П. С. Калинин, сообщив, что адресат умер. Второе письмо было из Черниговской области от бывшего командира 2-го взвода 5-й

стрелковой роты Яковца Петра Петровича. Яковец? Кажется, в моих записях не было такой фамилии. Проверю свои архивные выписки и убеждаюсь, что такой фамилии я, действительно, не записывал. Читаю документ, подписанный военкомом Куликовского райвоенкомата Черниговской области капитаном Кузьменко.

«На Ваше письмо сообщаю, что в селе Выбли, Куликовского района, Черниговской области в настоящее время проживает инвалид 2-й группы Великой Отечественной войны Яковец Петр Петрович, а не Яковлев Петр Петрович. Яковец Петр Петрович проходил военную службу в период с января 1945 года по июль 1945 года в 1085 с. п. 322 с. д. 60 армии в должности командира стрелкового взвода в воинском звании младший лейтенант».

Сомнений быть не могло: это тот человек, которого я ищу, но слабо сохранившаяся карандашная запись оказалась неразборчива, и я неправильно записал вторую половину фамилии. Вслед за этим пришло письмо и от самого Яковца. Его письмо с подробными описаниями военных эпизодов нельзя читать без волнения. Рассказывая о своем боевом пути, он вспоминает и об Александре Семеновиче Евстигневе, с которым «в первых рядах пехоты-матюшки освобождал Краков, Ярославль, Жешув...»

Откликнулись на мою просьбу родные и близкие однопольчан А. С. Евстигнева, не доживших до наших дней. И так, от письма к письму, от документа к документу я все больше познавал то время, героизм советского народа, то, как шел к своему подвигу один из его славных сынов. Изучая его боевой путь по архивным документам, я узнал о подвигах десятков других его однопольчан, многие из которых погибли в неравной схватке с врагом. Судьбы других пока неизвестны.

2

— Устраняйтесь, батя, вот с этими молодцами, тут много таких, которым ваши руки и забота прямо кстати, — говорил молодой прищип — помощник взвода. — Вон они какие brave, как мокрые ворона.

На старшину и повичка никто не взглянул, все красноармейца, уставшие, с грязными струйками пота на лицах и мокрыми красными подштанниками, сидели в ожидании кухни...

— Десятые сутки бредем, чего хочешь! — вступил в разговор молодой красноармеец, наматывавший на ногу портянку. — Поди на пятки Колоткова, как будто милой разворотило — стер, а Портнов умоляет ногу оттирать...

Это вспомнилось Евстигневу в ту минуту, когда он пере-

вязывал тесемочкой пачку писем, несколько номеров дивизионной газеты «За Родину!», в которой были описаны подвиги его друга, погибшего под Львовом. Больше года сражался с ним вместе. Совсем молодой, а привязались друг к другу с первой минуты встречи, когда помощник командира разносил красноармейцев за то, что никто из них не мог как следует намотать портянки.

...Сбросив на дно траншеи скатку, которая изрядно натерла шею, и прилепив карабин к стенке, Евстигнеев подошел к Портнову, лежавшему поодаль, и стал разглядывать его босую пятку, которая вздулась беловатыми волдырями и краснела ссадинами. Парень пытался притронуться к ноге, но тут же боязливо отдергивал руку, морщился и стонал. Взглянув на Евстигнеева, красноармеец смутился:

— Вторых обуеи и вот...

— Ты — вторых, в спешке, другой на бегу — вот и будет фрицам дешевая добыча, — сказал обычно молчаливый красноармеец Серебряков.

— Как же вы так, ребята? — недоумевал Евстигнеев, — вы же погубите и себя и других.

— А-а! — махнул рукой Портнов, подбивая под себя откуда-то вившееся байковое одеяло. — Обрадовались: новое обмундирование! Надо бы в старом идти, а мы побросали его, правда, там только пуговицы да подковки оставались. Батя, нет ли закурить чего-нибудь лутшого, а то старшина мякину насыпал какую-то, — закончил Портнов.

— Курить-то есть, — степенно ответил новобранец, — покурим. Доморощенный табачок...

— Откуда взял? — пододвинулось несколько человек сразу с протянутыми в руках дольками бумаги.

— Издалека, ребята, тыщу верст везу. Сам не курил, думаю, гостинец фронтовичкам преподнесу. Слыхали, город Стерлитамак, или Башкирию? Там произрастает крепачок. Вот угощайтесь.

В маленькой тесной траншее, вырытой на скорую руку мирными жителями окрестных поселков под конвоем немцев, пахнуло острым табачным дымком, все оживилось, куда-то пропала усталость, наперебой расспрашивали пожилого солдата о жизни на далеком Урале.

— Семеньч, — спросил дотошный до всего Портнов, — ты вроде немолодой, а на фронт как же угодил? Иль проптрафился?

На Портнова зашикали. Серебряков объявил:

— Не обращайтесь на него внимания, он одного боится. У вас здоровые ноги, у него — потертые, вшь, носом ходит, значит, кучия близко, он и боится, что вы на здоровых ногах впереди его будете...

Евстигнеев улыбнулся, но тут же сделался серьезным. По словам помкомзвода, через час полк снова пойдет на запад, таков приказ командования. А как же они пойдут — трое из отделения властом лежат, не смогут они сейчас и шага сделать. Расспросив, где стоит саврота, Евстигнеев побежал туда, раздобыл мазь, бинты и возвратился в свой взвод.

Когда он обработал есадины и волдыри на ногах красноармейцев, смазал мазью, плотно перебинтовал, сам аккуратно намотал портянки и помог обуть сапоги, помкомзвода привел сангигиеструктора, но помощь уже не требовалась. Портнов от радости не мог спокойно стоять, все припрыгивал.

— Надежно, не беспокойтесь, товарищ старшина, — заверил Евстигнеев. — Дело знакомое. Еще в первую германскую войну обучен по этому делу. Фельдшером начинал.

Евстигнеев предупредил, чтобы не бередили ноги излишними движениями, велел остерегаться.

Портнов присвистнул, по привычке стараясь свести в шутку серьезное предупреждение бывалого солдата, но тут же осекся: человек добра желает...

Да, был такой веселый парень Портнов, но уже скоро два года как его нет. Не позовет «на секретный разговор» и Коля Серебряков, только одному ему, Семенычу, доверявший переписку с любимой девушкой, фотография которой и по сей день хранится в бумажнике Евстигнеева вместе со всеми солдатскими документами. Как будто своя. Отправлять обратно — не хочется лишней раз напоминать девушке о смерти ее друга. Так и лежит она вместе с фотографиями своих родных детей. А на днях Иван-младший фотокарточку внука прислал. Мальчонка ничего, хороший, должно, в семье ребевка соблюдают. Семеныч перебирал конверты, тщательно укладывал их, экономя место в вещмешке, обертывал их в плотную бумагу, которая хрустела. Он осмотрелся по сторонам: не поднял ли кто-нибудь голову? Когда убедился, что все спит крепко, продолжил свое занятие. Ванюшке надо бы написать, да света в блиндаже маловато, патрон с суконным фитилем не сильно светит.

И все же он вылез за письмо, написал первую строку и, отложив карандаш, задумался. Потом вынул из нагрудного кармана гимнастерки фотокарточку внука, последнее письмо Ивана, на отделении от глаза посмотрел на снимок, качнул головой, пошевелил в улыбке устами, положил перед собой. Сын писал:

«Дорогой папа, здравствуй!

В жив-здоров, того и тебе желаю. Из дому письма аккуратно получаю. Прислали фотокарточку Виктора, которую высылаю тебе, посмотри на своего внука.

От Михаила получаю письма, видно, что он воюет где-то под Ригой. На днях получил от него письмо, где он пишет, что легко ранен, находится на излечении в медсанбате.

Шура пишет, что дома все в порядке, но надо полагать, что им там тоже везетко.

У меня все хорошо, воюю по-прежнему в старой части, пожалуйста, пиши хотя бы по две строчки, всегда буду рад твоим письмам.

Крепко целую, твой сын Валя. 21. X. 1944 года».

Семеныч долго любовался подписью под письмом. Ишь какая завихристая; правда, Иван большую грамоту не получил, а пишет красиво. Представил сына, которого не видел, уже, почитай, четыре года. Какой стал? Постарел, небось. Тоже, как и сам, почти и не жил дома. Вперед на действительной два года на Дальнем Востоке служил, а с первых дней с фашистами сражается. Вспоминались и другие сыновья: старший Иван, Николай, Михаил, которые тоже на фронте. И тут кольнуло в сердце — это с такой болью отозвалось воспоминание о младшем сыне Михаиле, раненом совсем недавно. А ведь молчал об этом, пока мать не написала. Дети, даже большие, остаются детьми: все горести и радости в первую очередь матери выкладывают, а потом уж отцу... В дальнем углу блиндажа кто-то вскрикнул, пробормотал какие-то команды и слова стих. Семеныч не всех еще знал по фамилии и имени, не успел запомнить повичков, пришедших сразу же после перехода подка во второй эшелон. От прежнего взвода осталось всего десятеро — и то семеро из них ранены... А его судьба все мучает, хотя в бою не отстает от молодых бойцов. Сколько раз поражался тому, как оставался невредимым, когда рядом с ним ползущие или бежавшие солдаты вдруг замирали или падали, сраженные вражескими пулями. Конечно, он понимал, что не судьба играет роль, а отсутствие опыта у новобранцев. Жалко, что недостаточно учебных занятий, не все воинские хитрости успевают познать молодые воины. Поэтому старание, смекалка должны быть их постоянными помощниками. Семеныч обучал их при каждой возможности, торопился передать им все, что знает сам, часто задавал им хитрые вопросы и требовал, чтобы решали они их самостоятельно. В бою бывает так, что совещаться некогда, всего одна минута в твоём распоряжении... А как его сыновья там, подсказывает ли им кто-нибудь, обучает ли военному мастерству? Но вспомнив, что они все уже давно обстрелянные, успокоился, взялся за карандаш. Он писал:

«Дорогой сыночек Валуша, здравствуй!

Получил твое письмо с фотокарточкой Вити и очень рад, что у меня есть такой друг.

На днях я получил письмо от матери, нелегко ей с троими, да и здоровье у нее плохое.

От Миши я пока письма не получил. Как мне его жаль, малыша, но что поделаешь, надо Родину защищать, ведь это наш долг.

Я нахожусь на Сандомирском направлении, приши, буду всегда отвечать на твои письма.

Кренко целую, твой отец Александр Семенович Евстигнеев.
24. X. 1944 года».

Свернул треугольник, он несколько раз провел ладонью сверху, чтобы уголки получились острыми и не сразу бы разворачивались, как-никак письмо, хотя в нем ничего секретного нет. Такая уж привычка у человека, мысли, которые записываются, должны читать только те, кому они предназначены.

Он подвинул со скамьи, которую сколотил сам из разбитого кузова немецкой автомашины, повесил вещмешок на столб, служивший подпоркой кровли блиндажа, сел на край нар, где было место и не спеша стал снимать сапоги. Через минуту он уже лежал с заложенными назад руками и, глядя в потолок, думал. Ему не спалось, ломило колени, но говорить об этом санитару не хотелось: пошлет в медсанбат, там направят в дивизионный госпиталь, пойдет проверка до тылового госпиталя. Так-то он в Стерлитамаке мог бы приспособиться три года назад, немало всякой хвори за жизнь понацеплялось, но сейчас не до них. Семеныч согнул колени и стал тихою потирать их ладонями. От трения они начали согреваться, а вскоре и совсем перестали болеть. Может быть, он просто не замечал боли, потому что прочитанные письма из дома, от сына, воспоминания о фронтовых друзьях растрепождали его мысли, захотелось обернуться на пройденный путь, оценить его с позиций человека, у которого за плечами пятьдесят.

3

И всплыли в памяти годы, когда участвовал в первой мировой войне. В дни свершения Октябрьской революции он работал в Петрограде на Путиловском, где вместе с рабочими завода участвовал в восстании. В конце 1918 года перевелся на Самарский трубочный военный завод.

Ему было 47 лет, когда полчища немецко-фашистских варваров вторглись на нашу Родину. Проводив на священную войну четырех своих сыновей, он, несмотря на возраст, тоже ушел на фронт, участвовал в освобождении Воропежа, сражался за Ста-

Лингград, за Украину, был рапен, после медсанбата снова вернулся в свою часть.

Это только главные вехи жизненного пути. А сколько между ними нечеловеческих испытаний, жертв, трагедий, которые ему довелось испытать вместе со всем советским народом, защищая свою власть от посягательств бывших хозяев. Не было и года спокойной жизни, но люди верили, что они победят и во имя этой победы терпели все невзгоды и лишения. Вспомнил отец Семен Кошович, оставивший в наследство детям трудолюбие и терпение, страсть к плотницкому и столярному делу, но не доживший до того дня, когда мог бы увидеть, как помогли детям его справедливые наставления и трудолюбие. Нежданно-негаданно подстерегла гибель, когда был еще полон сил, детей не успел поставить как следует на ноги. Беда пришла оттуда, откуда ее никто не ждал: ехал верхом, лошадь вдруг на скаку чего-то испугалась и шарахнулась в сторону — отец упал и ударился об камень. Умер, не успев попрощаться с детьми. Ни одного из них не осталось на материнских плечах. А тут вскоре первая мировая война. Царские чиновники не посмотрели, что стареющая женщина-мать одна остается с четверыми, забрали Александра на германский фронт... И только через пять лет, в 1921 году, вернулся он в Пестровку, построил дом с подвалом, в котором занимался своим извечным ремеслом: делал кружки, половники, чайники, ведра, печи железные, или «коленки», как называли их в деревне, трубы к печам... Без дела ни минуты не сидел да и детей не баловал, давал поручения: корыто сделать, заборчик починить... На работу, на производство они приходили уже специалистами. С семи лет каждый мог и косить, и молотить, и лошадей управлять. Вспомнил Семеныч, как Ванюшка-младший маялся с серпом, кем-то неуклюже отремонтированным. На склепках ручка сделана утолщенной и детским пальчиком не обхватить было ее. Он подозвал к себе сына и дал ему свой серп попробовать, удобен ли тот ему. Ванюшка, конечно, обрадовался: серп-то был заводской.

— Вери себе, а я — твоим, — сказал отец сыну.

«Помнит ли Иван об этом?» — вдруг задался вопросом Семеныч. Полежал немного, вроде бы и засыпать стал, как снова пришла навязчивая мысль о прожитом. Вспомнилось ему, как в бывшем поместье Марковича была создана трудовая колония, где беспризорные дети приучались к труду и дисциплине. Была у них своя земля, которую обрабатывали на двух американских «фордовичках». Иногда заведующий звал Александра Семеныча на столярные, плотницкие или жестяные работы. С ним часто уживался и Ванюшка-младший. Любил мальчишка у ног отца ворочаться. Приходили туда и другие пестровские мужчины.

Часто оставались воевать. И на этот раз постелили им всем в бывшей батрацкой. Двум мужикам в одном углу, ему с сыном — в другом. Только стал засыпать, как кто-то легонько потряс его за плечо:

— Саша, а Саша, поедем за морковью?

Александр так и ошалело огнем изнутри. Он знал, что вдоль речки Месельки сироты морковь посеяли, чуть больше мышиного хвоста выросла, сами не прикасаются, берегут. Он поднялся, поправил дорогу на сынишке, чтобы тот не слышал разговор, и ответа:

— Вот он у меня под дорожкой один лежит да дома их пшестеро, но они со мной, с отцом, живым отцом... — в горле вдруг запершило, хотелось крикнуть им в лицо, но не случился голос. — А вы воровать у детей отцов, павших за революцию? Я не только не поеду, но и вам не дам детишек грабить...

Когда ушли мужики, Семеныч прислушался к сыну: не слышал ли разговор? Мальчишка спал, но когда отец успокоился, почувствовал, как сын ласково прижался к нему. Значит, не спал, подумал тогда он.

Вдруг Семеныч ощутил влагу у краешков глаз и зачесалось около переносицы. «От черт, никак слезы», — вытер он шершавой ладонью теплые струйки и крикнул. Рядом с ним лежавший солдат поднял голову, и удивленно разглядывая соседа, сказал:

— Да спите вы, дяди! — и тут же уронил голову на руку.

Семеныч поглядел на молодого, но уже с усами солдата, улыбку. Маленькие, еле уловимые тени от салыника прыгали на смугловатом лице солдата. Короткие волосы чуть закрывали лоб, делая парня похожим на подростка.

«Ох, мать честная, — вздохнул, подумал Семеныч, — тебе бы мамкины сказки у колыбельки слушать. А ты вон какой — воюешь». Семеныч достал карманные часы и попытался разглядеть, над какими цифрами стоят стрелки, — не смог. Тогда он начал вспоминать, сколько сделал разного с момента, когда улеглись солдаты, и получалось по расчетам, что времени где-то около двух часов ночи, не менее. А сон все не шел. Прошедший день был на редкость напряженный. Проводили учение на тему: «Взаимодействие мелких подразделений с танками». Наломался, напрыгался за день. Молодые от усталости только спят крепче, а у него ломило в суставах ног и рук. В воспоминаниях боли как бы затихли. Ему было приятно перебирать в памяти молодые годы, анализировать свои поступки, улыбаться проделкам своих детишек. Стирался он со своей Ксенией воспитать их трудолюбивыми и честными. Это главное мерило человека. Когда ты любишь работать — не пропадешь, а если честен, то и уважения добьешься.

Вспомнилось, как в школе, когда ребята были еще маленькими, была организована кооперация, и старшой Ванюшка взял у него из кармана 15 копеек, чтобы купить перья и ручку. Когда узнал, спросил сына:

— Взял?

— Взял, — ответил Ваня, — все мальчишки покупают...

— А почему не спросил? — задал вопрос отец.

Сыну крыть было нечем, и Семеныч наказал его... Учил, как было заведено испокон веков, по после двух ударов ремнем у него сжалось сердце и он, бросив ремель, крепко прижал к себе сына, и, задыхаясь от негодования, думал: «Как же ты, взрослый человек, поднял руку на своего же дитя, беззащитного мальчика, который может переломиться, как тростиночка, от одного твоего прикосновения?» Напоследок сказал сыну:

— Шкогда не завидууй тому, что у кого-то есть, а у тебя нет.

А когда дети выросли, провожая их в армию, вначале на действительную, а потом на фронт, наказывал:

— Служите на совесть, сыны, как бы трудно ни пришлось.

Молодцы, не срамят отца и мать. Тот же Иван-младший добровольно ушел на фронт из Уфимского пехотного училища, счел, что он пужнее там, под Сталинградом. Потом, писала Ксения, орден и медали заслужил. И другие не подкачали, один за одним ушли воевать вслед за старшим. Младший служит где-то рядом, письма за два-три дня приходят, повидаться бы. Война к концу идет, легче станет, может, отпроситься у командира на денек? Эта мысль взбудоражила Семельча не на шутку. Он представлял, как они встретятся; пожалуй, не сразу и узнаешь сына, небось, возмужал, окреп, война закаляет мужчин. Представил, как они вдвоем будут хлебать солдатский борщ из одного котелка, вспомнят домашних, а потом Иван проводит его до попутного транспорта... Нет, беречь сердце такими мыслями нельзя, враз в кислятиву превратишься, размякнешь, как хлеб в тюрке, — осадил себя Семеныч. Не время. Спи, завтра работы много. С этими мыслями он прилег с краю нар и вдруг неожиданно уснул.

Проснулся Евстигнеев, когда в блиндаже полным ходом шла солдатская жизнь. Одни одевали шинели, уже получив какое-то задание от командира и спешили его выполнить, другие брлись, третьи, но пояс голые, возвращались с утренней снежной процедуры, от них шел пар, лица зарумянились от легкого морозца, и открытую дверь ворвался холодный воздух, и Семеныч почувствовал его бодрящую силу. Поддаваясь задору молодых солдат, он быстро смахнул с себя шинель и сел на нарах. К нему тут же подошел старшина, спросил тревожно:

— Не заболел ли, Семельч?

Семеныч махнул рукой, пехотя ответил:

— Малошь заюдал с отбоем, письма писал.

Старшина успокоился, сказал доверительно:

— Ротный звал, после завтрака велел подойти.

— Не сказывал, зачем? — поинтересовался Семеныч.

— Поручит, наверное, как всегда, молодежь чему-нибудь подучить.

Семеныч уже привык к тому, что с самого пачала службы в 1085-м полку ему часто приходится обучать новое пополнение солдатским навыкам, споровке, всему тому, что не успело войти в устав. Это и радовало ветерана и в то же время беспокоило: не всякий боец в состоянии перенять его приемы, которыми он пользуется, полагаясь на свою силу и ловкость. И все же многим помогает его опыт, не раз после боя благодарили его за хорошие советы, да и сам он видел, что не бесполезно тратит время. Поэтому занятия, проводимые командиром, как правило, сопровождаются практическим показом или теплой задушевной беседой Семеныча, где он в бесхитростных рассказах и шутках открывал новичкам «секреты» войны.

4

После короткого разговора с ротным Семеныч поспешил к месту сбора личного состава. Стояло январское солнечное утро; снег, шедший всю ночь, ослеплял глаза без привычки, редкие сосновые деревья вперемежку с липой и березой напоминали пейзаж родной Башкирии, и у Семеныча на душе было светло и радостно. Как будто нет войны и не было ее здесь. Снег припорошил уродливые рытвины от бомб и снарядов, посеченные осколками деревья солдаты сшили до корня и использовали на строительство различных сооружений. И еще была тишина, такая непривычная тишина, которой, наверное, на войне никогда не бывает. Но все знали, что это временное затишье. Впереди ожидался тяжелые бои.

Находясь в первом эшелоне 60-й армии, 322-я стрелковая дивизия освободила Львов и, не останавливаясь, двинулась на запад, очищая от фашистских полчищ территорию Польши. Первым крупным городом, стоящим на пути, был Краков. Стрелкам 1085-го полка предстояло штурмовать мощные немецкие долговременные огненные сооружения. За метровыми стенами железобетонных сооружений в глубоких бункерах и стальных колпаках сидели фашистские солдаты, потерявшие все надежды на то, что когда-нибудь им удастся выжить из своих убежищ живыми. Советское

командование предвидело, что в отчаянии они ожесточенно будут сопротивляться. Выкурить противника можно будет только хитростью и той решимостью и инициативой, которая всегда окрыляет людей, сражающихся за святое и правое дело. Поэтому, как и всюду, в 1085-м полку широко использовался опыт ветеранов, преодолевших все невзгоды войны. Много лет спустя бывший командир 322-й дивизии, ныне генерал армии, Л. П. Лащенко в связи с этим в своей книге «Из боя в бой» вспоминает:

«Солдаты, пришедшие по дорогам войны на территорию Польши, были в подавляющем большинстве опытными и закаленными воинами, знали в тонкостях тактику ближнего боя. Умело, храбро действовали они не только в составе отделений, взводов, но и в одиночку, даже если сталкивались с группой фашистов или оказывались лицом к лицу с пулеметами, пушкой, танком...

Кстати говоря, на заключительном этапе войны наши бойцы часто били врага его собственным оружием, используя трофейную технику. Быстро освоили они и фаустпатроны. Инициаторами выступали обычно ветераны войны — коммунисты и комсомольцы, научившиеся обращаться на фронте с любым оружием на «ты».

От бывалых фронтовиков быстро набирались отваги, сметки и молодые бойцы...»

1085-й полк готовился к выдвижению в первый эшелон. Командир полка полковник Тимофеев вместе с начальником штаба и своим заместителем по политчасти объезжали вверенные им подразделения, проверяли состоящие боеготовности. В помещение бывшей немецкой биржевой конторы они вошли в тот момент, когда Евстигнеев, возвышаясь на специально сооруженной площадке, рассказывал о том, как обнаружить вражеские мины.

— ...Фрицы бегут под мощными ударами Красной Армии, но они еще надеются нас переломить, — говорил пожилой солдат, держа в руках большую круглую мину, — и стараются напоследок напакостить за собой как можно больше. Вот такие штучки прячут в землю, чтобы наш брат нарвался на них. Они минировуют дороги, поля, населенные пункты, подступы к ним и выходы, не забывайте, — поднял боец руку, — вы-хо-ды... А то бывает так: перед деревней обезвредят все мины и стараются скорее догнать противника и забывают, что при выходе из пункта враг их тоже найдет, мины-то, и подрываются. Надо держать ухо востро. Подбежал к зданию — не рвись к крыльцу, осмотри все как следует. Так же — траншеи и мосты. Вот такие дела. Какие же это мины и как их обезвредить? Это мы сейчас вам покажем с ефрейтором Фоминным и рядовым Кравцевым.

К солдату поднялось еще два человека, один был примерно лет сорока, второй совсем еще молодой подвижный боец высокого

роста с черными кудряшками, выбивающимися из-под новой солдатской ушанки. У входа в помещение полковник Тимофеев жестом остановил стоящего у дверей часового, пытавшегося дать команду «смирно!» и доложить по уставу. Молодой красноармеец, краснея от смущения и робости и не зная, что делать дальше, держал руку у козырька и испуганно глядел в глаза командира полка.

Полковник слегка улыбнулся солдату, кивком показал на его руку: «свободно!» и, подозвав ближе к себе своих заместителей, так же аналогично пригласил их устроиться у стенки и послушать, как проходит занятие. Между тем солдаты продолжали изучать мины противника. Евстигнеев говорил:

— Против вашей пехоты немцы применяют мины нажимного... — в это время ефрейтор показал нажимную мину — ...натяжного и электрического действия, — эти две мины показал в поднятых руках рядовой Кравцев. — Но чаще всего вражеские противопехотные минные поля насыщены минами «С—35» натяжного действия, — продолжал Семеныч, а Фомин, положив первую, поднял вверх мину «С—35». — Их еще называют натяжными минами. Видите, эта мина имеет круглую форму с двумя взрывателями, к которым прикреплена толкая проволока, — Евстигнеев потянул на себя торчащий кусочек проволоки, — и отводится в сторону к маленькому колышку. При взрыве такая мина может поражать окружающую в радиусе 50—70 метров. Вот такие дела. Противник, как я убедился из опыта, расставляет эти мины в скрытых местах и на подступах к важным участкам своей обороны, в зарослях у мостов. Вот такие дела.

Затем три солдата показывали приемы разминирования, уничтожения мин, приглашали к себе молодых солдат, смотрели, как они обезвреживали их, на практике показывая, как осторожно и в то же время решительно надо действовать при разминировании. Полковник Тимофеев, наблюдая это занятие, тихо комментировал:

— Просто и быстро. Молодец, командир нятой. А как в других ротах? — задал он вопрос своим заместителям.

— Занимаются, товарищ полковник, — ответил замполит.

— Это правильно, нельзя терять ни минуты, — продолжал полковник, когда они так же незамеченными покинули подразделение, — впереди тяжелое сражение и молодым бойцам быстрее надо набираться опыта, сметки от бывалых фронтовиков.

Прибравшись немного и дождавшись, когда замполит поровняется с ним, полковник спросил его:

— А что, если на встречу с польскими жителями поплем этого солдата? По-моему, он хлебопашец, поинтересуйтесь, отку-

да он, чем занимался до войны. Такие, как он, быстрее найдут общий язык с польскими крестьянами.

5

На другое утро Евстигнеев и еще несколько солдат разного возраста стояли перед заместителем командира полка по политической части и двумя польскими представителями, одетыми в попошепные, но довольно крепкие солдатские полушубки и шапки-ушанки. Лица их были чем-то озабочены, на слова замполита кивали головами, как бы подтверждая каждую его мысль.

— Освобожденные от гитлеровской оккупации польские жители просят наше командование организовать встречу с советскими солдатами. Наше командование с благодарностью приняло предложение польских друзей, — замполит повернулся к гостям и сделал им легкий поклон, затем продолжал, — здесь собрались ветераны войны, коммунисты, комсомольцы, молодые красноармейцы, которые успели показать себя в бою, представители нескольких национальностей Советского Союза. Наверное, догадываетесь, о чем вас будут спрашивать, поэтому говорите пачистоту, откровенно, ничего не придумывая...

Поляки согласно закивали головами.

— Ну, а остальное польские друзья видят сами — освободители ведут себя достойно, помогают разоренным семьям встать на ноги.

Расскажите, как встречали вас в освобожденной Эстонии. В сегодняшней дивизионке есть информация.

Замполит взял со стола глянцевый листок и прочитал:

— Свыше 37 тысяч крестьянских хозяйств Эстонии получили земельные участки. Крестьянам, наделенным землей, Советская власть дала семена, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий и продуктивный скот, строительный материал. На приобретение скота, строительство домов и хозяйственных построек в четвертом квартале 1944 года государство отпустило трудовому крестьянству Эстонии долгосрочный кредит в 11 миллионов рублей.

Замполит подумал и продолжал:

— Расскажите о том, как советский народ залечивает военные раны, о восстановлении сталинградского элеватора, о допецких горянках, добывающих уголь сверх годового плана, о стахановских вахтах тысяч фронтовых бригад Урала, о сдаче вологодскими хлеборобами восьмью тысяч пудов хлеба в фонд Красной Армии...

Замполит помолчал немного, приостановился на мгновение и, оживившись, вдруг продолжал:

— Расскажите о себе, наконец. У каждого из вас есть семья, дети, матери, дочери...

— И внуки есть, — вставил ефрейтор Фомин.

— Вот видите! — подхватил замполит, подходя к ефрейтору. Посмотрев на него пристальнее, замполит спросил:

— У вас, ефрейтор, внук уже есть?

Фомин заволновался, переступая с ноги на ногу, стыдясь своей невидержанности.

— Это я не о себе, товарищ майор, — наконец оправдался он, боясь, что за нарушение уставного порядка в строю его лишат встречи с поляками.

Но замполит сделал вид, что как будто бы ничего не произошло, с интересом продолжал беседу:

— Не важно, товарищ ефрейтор... Как ваша фамилия?

— Ефрейтор пятой стрелковой роты Фомин, товарищ майор, — отчеканил Фомин.

— Так вот, товарищ ефрейтор Фомин, важно, что есть внук, что будут жить советские люди.

Солдаты и польские гости эти слова встретили шумно, обменивались друг с другом мыслями. А когда стало тихо, майор спросил весело:

— А кто же все-таки среди вас дедушка?

— Разрешите, товарищ майор? — подал голос Евстигнеев.

— Что у вас, Семеныч? — повернул голову майор. Ему запомнился этот усатый пожилой солдат, коротко и ясно объяснявший боевые свойства вражеских мин, и по возвращении в штаб полка он срочно запросил сведения о нем, лично побеседовал с командиром взвода, узнал о боевом пути солдата, о его авторитете во взводе и что зовут его в роте любовно и просто — Семенычем. А вот о том, что внук есть, замполит не знал.

— Это он обо мне говорил, — кивнул Евстигнеев в сторону Фомина, — внук-то у меня... вчера только фотку прислали.

— Поздравляю вас, Семеныч, — тряся руку Евстигнеева и широко улыбаясь, от всей души сказал майор.

— Спасибо, — ответил ветеран, — увидеть бы теперь живого, наскучал по детникам...

Польские гости стояли, как будто забытые хозяевами, и видели, как растопились солдатские сердца при воспоминании о детях, родных и отчем доме. Кажется, забыл о своей роли и замполит. Он шел перед маленьким строем от солдата к солдату и расспрашивал каждого, откуда он, кем был в мирное время, есть ли еще кто-нибудь на фронте из членов семьи. Когда узнал, что

у Семеныча, кроме него, на фронте еще четыре сына воюют, майор не сдержал восторженных чувств.

— Да вы герой, Семеныч! — уже в который раз пожимая руку солдата, воскликнул замполит, — лять солдат из одной семьи!

Растроганный столь необычной беседой, которая сама по себе возникла, заменив официальную часть инструктажа, замполит подошел к польским гостям и сказал:

— Бачете, какой у нас народ! — и закончил. — Прошу, пане, можно ехать.

Проселочная дорога, посыпанная почью снегом, постепенно размягчилась от тающего под лучами солнца снега.

— Январь, а ты поглядь, что дестея, — удивлялся Фомин. — У нас в Каменец-Подольске не джеже холодно, однако же в январе прижмет так, что только держись.

— А у нас такая же благодать, — щурясь от яркого солнца, ступил в разговор Вася Кравцев.

— Откуда сам? — спросил Фомин.

— Я-то? — переспросил Василий. — Черное море слышал?

Фомин хмыкнул.

— Кто же его не слыхав, не за морями живем.

— А Краснодарский край?

— Еще чего!

— А Северский район?

— Чего не слыхав, того не слыхав, — съязвил Фомин, — должно быть, букашка яка-нибудь на территории Краснодарского краю. Слышь, Семеныч? — пытаюсь подключить к разговору своего соседа, легонько толкнув его в бок, обратился Фомин, — живе в каком-то Северском районе и думает, что он на пупу земли прорастил, — и рассмеялся.

Евстигнеев не откликнулся на шутку, и Фомин не стал его беспокоить. А вскоре и сам погрузился в мечту. Глухо отбивая огромными коваными копытами, пара пемецких коней-битюгов легко тащила подпрыгивающую на кочках необыкновенной длины бричку, на которой с двух сторон на мягком душистом сене, свесив ноги, сидело более двадцати солдат. Впереди на высоком облучке со спинкой восседали гостеприимные польские посланцы, одетые в русские полушубки и шапки.

Солдаты кто курил, кто переговаривался, комментируя увиденное в пути, кто дремал. Семеныч находился под впечатлением прошедшего папутствия. Слова замполита тронули его своей задушевностью и простотой. «Советские воины-освободители не должны наводить страх на мирных людей, а должны показать то, чем они действительно являются: освободителями», — папутствовал замполит полiredов от Красной Армии у мирных селян Польши.

Победа над фашизмом стала возможной потому, что Красная Армия не грабит, не мстит, а несет благо и свободу. Это так и есть. Вспомнилось Евстигпесу, как вместе со многими солдатами дивизии пришлось косить траву, убирать хлеба в семикилометровой зоне прифронтовой полосы, а зерно оставить населению. Зато и сами имели хороший прием со стороны мирных людей, получая всяческую помощь — жители создавали бойцам уют для отдыха, чинили обувь, стирали белье, организовывали баню. Вспомнилось, однажды, когда он был в группе сопровождения работников политотдела армии, в пути у села Кжибовка Лаковецкого района повстречался 74-летний старик — житель этого села. Он снял шляпу, низко поклонился, промолвил:

— Желаю вам счастья, граждане великой России! Бейте немцев до полного уничтожения и возвращайтесь с победой!

Запомнилась и другая встреча с местным населением — украинцами, поляками в одном хуторе северо-восточнее Гарнополя и села Шляхтицы. «Раз пришла Красная Армия — будет порядок, прекратится кровопролитие, и будет обеспечена мирная жизнь», — заявили жители этого хутора.

Незаживаемой раной остались в сердце и другие встречи, когда освобожденные мирные жители просили: «Отомстите за смерть наших детей». Одна из них особенно запомнилась старому солдату. Об этой истории дивизионная газета «За Родину» писала:

«В этом селе еще вчера были немцы. Ночью они поспешно отступили и насильно угнали с собой многих молодых мужчин села. Когда мы вошли в хату, Рузалия Ющик, старая польская женщина, плакала: «Вчера проклятые немцы, поспешно убегая из села, угнали моего сына Янека», — рассказала нам горем убитая мать.

Рузалия Ющик со слезами на глазах поведала печальную историю своей семьи, ограбленной и замученной гитлеровцами в период оккупации Польши. Ее средний сын Эдвард Ющик был угнан в Германию. Там он около года выполнял каторжную работу, был рабом у немецкого помещика. Он стал отказываться от работы, за что хозяин-немец часто избивал его палкой. В конце концов Эдвард не выдержал и решил бежать. Однако гитлеровцы поймали и убили его, и вслед за сыном погибла и моя дочь Мария, — рыдал, рассказывала мать. — Случилось это так. Немцы устроили облаву на польских партизан. Три фашиста вбежали в хату Ющик и начали стрелять из автоматов в пол, под кровать, в чердак. Мария, и до того имевшая слабое здоровье, сильно перепугалась и в ту же ночь умерла от разрыва сердца.

Теперь немцы угнали второго ее сына Янека.

«Но я знаю, что он не будет работать на немцев, знаю потому, что Красная Армия — наша освободительница идет вперед и вызовет Янека из неволи», — сказала мать.

Рузалия Ющик не ошиблась. Уже к вечеру ее сын возвратился домой, он был вызволен из фашистского плена наступающей Красной Армией».

Потом Семеным показывал газету с заметкой в своем взводе и комментировал:

— А сколько их в мире, таких горемык! С ума сойдешь, глядя на горе матери.

Что же хотел Гитлер? — думал Семеныч в пути. Поставить мир на колени? Зачем? Чтобы наслаждаться горем и страданиями одних и процветанием других? Нет, не мог Семеныч согласиться с этим.

Их встречали с хлебом-солью. Молодые девушки, одетые в национальные костюмы, с яркими уборами на головах напоминали свадебное торжество. У большого деревянного дома с высоким крыльцом и узорчатыми ставнями стояла большая группа людей, держась друг от друга на некотором расстоянии. Боятся что ли друг друга, чтобы поближе встать? — подумал Семеныч, принимая вместе с руководителем группы, капитаном, прибывшим из политотдела армии, хлеб-соль.

Большой дом оказался костелом, в котором в самом центре, подирая нотолок, стоял орган, напоминая ровно подструганный частокол, с постепенно повышающимися в одну сторону концами, вокруг него длинные скамейки, справа зашторенные двери, в самом переднем углу, от стенки до стенки, стоял стол с разными угощениями. Гостей усаживали все те же поляки, которые привезли красноармейцев. Стол, вернее несколько сдвинутых столов, оказался настолько большим, что за ним уместились все гости и столько же польских представителей. Когда все уселись, хозяева и гости обменялись приветствиями, затем один из поляков сказал короткую речь, в которой говорил о вековой мечте поляков и русских о дружбе и братстве, и о том, что всегда находились силы, мешавшие сближению славянских народов. И вот теперь это время пришло. Гости узнали о том, что оратора зовут Стефан Кравница, что все годы войны он скитался по чужим странам, потом вернулся на родину и несколько месяцев, до самого прихода советских войск, партизанил вместе с русскими. Там научился говорить по-русски, стал коммунистом.

— Дорогие друзья, — волнуясь, закончил он, — братья наши русские, славяне, благодарностям нашим нет границ. Примите наш викайший поклон от всего польского народа, который ждал вас как самых дорогих гостей. Добро пожаловать на нашу землю.

С ответным словом выступил капитан Тарасов.

— Фашистские изверги, взбешенные неудачей на фронтах, с дикой жестокостью продолжают обращаться с мирным населением Польши, — сказал он. — По пути нашего наступления на много километров мы видим поля, вдоль и поперек изрытые траншеями, усеянные минами, нарезанные глубокими бункерами.

Несколько месяцев фашистские мерзавцы под угрозой оружия заставляли польских девушек, стариков и детей сооружать оборону. Многих поляков немцы расстреляли, многих угнали на немецкую каторгу. Фашистские разбойники на польской земле совершили и еще продолжают совершать такие злодеяния и зверства, какие фашисты творили на нашей земле. Вот почему мы с особым рвением преследуем гитлеровских разбойников. Им не будет от нас никакой пощады!

Дом постепенно наполнился до отказа, те, кто не поместился в нем, остались в сених, в большой прихожей и на крыльце.

На улице стояли, привязанные к изгороди несколько лошадей, запряженные в телеги и двуколки. Это приехали жители близлежащих хуторов. Гости и хозяева понемногу расковались, начали задавать вопросы, выходящие за рамки официальной встречи.

Один поляком, интеллигентного вида поляк, держа перед собой шляпу, вкрадчиво спросил капитана Тарасова:

— Панае, колхозы як вьжили в войне?

Стефан Кравишца шеннул Тарасову:

— Кулак, фашистов хорошо встречал у себя на хуторе.

Тарасову стали новытны и вкрадчивость старика и для чего задан им вопрос. Или не верит, что колхозы в России живут и адравствуют, или еще чего-то хочет.

— А что колхозы! — пачал Тарасов. — Скажу одно о них: четыре года воюем, и несмотря на то, что много разграбили фашисты и их приспешники, а мы все живем и хлеб колхозный жуем.

— Америка, Англия не помогают? — ловко переменял тему разговор старик.

— С союзниками живем хорошо, — уклончиво ответил капитан, — решаем вопросы сообща.

— Спасибо, — сделал легкий поклон поляк и, одевая на ходу шляпу, медленно пошел к выходу, сопровождаемый десятками глаз односельчан.

— Этот старик утверждает, что не надо объедипять мелкие хозяйства, — прокомментировал уход хуторянина Стефан, — у вас ведь тоже были такие.

— Помним, — подтвердил слова Стефана рядом стоявший Семеныч. — На своих плечах испытали кулацкую патуру.

— Вы крестьянин? — спросил Стефан Семеныча, обрадовавшись, что неловкий разговор с кулаком можно будет загладить интересной беседой с русским земледельцем.

— Да, — вздохнул Семеныч, — только уж забыл, как землячка-то пахнет. Вот такие дела.

— Из дома вам шишут? — не отступал Стефан, заметив, что односельчане заинтересовались их беседой и примолкли.

Обнаружив столь пристальное внимание к себе, Семеныч немножко заволновался, вспоминая, что сказать-то ему по существу нечего, так как тех сведений, которые поступают в письмах от жены, очень мало. Но вот он вдруг вспомнил о газете «Красная Башкирия», присланной ему Ксенией из дому, где рассказывалось о хлебобобах Стерлитамакского района. Как же это он сразу-то не догадался! Там и об их Пестровском колхозе несколько слов есть. А главное — цифры не выветрились из головы. Дела, конечно, не очень хороши, но с кого спросить — хозяйствуют бабы да дети, редко где старик объявится.

Видя, что польских селян волнует жизнь советских земледельцев, Семеныч для сравнения настоящей колхозной жизни с прошлой, единоличной, рассказал, как трудно приходилось бедняцким хозяйствам до коллективизации. Да и середняки не радовались жизни.

— Мы вот как жили до колхозов, — рассказывал он, — десять лет стукнуло мальчишке — цеп в руки: айда, молоти. А урожаи какие были? Пшеницу не косили, не жали, зябь не пахали, все сеяли по весновспашке и поэтому ничего не родилось, потому как пшеница любит зябь и равномерную глубину. Овес, гречку, рожь сеяли, а пшеницу кукольник кончал. Убирали так: выдернешь пучок, о пятак стукнешь корнями, землю стряхнешь и — в сноп. А сейчас у нас в МТСе целых 19 комбайнов, тракторы, молотилки, а в иных колхозах машины имеются...

Польские слушатели переглянулись, и один из них, с трудом подбирая русские слова, начал:

— Как вы заступали в колхозы: по желанию или силой?

Семеныч посмотрел на спрашивающего, качнул головой, подумал, потом заговорил:

— Чтобы неволить — этого Советская власть не делала. Спору и уговору, правда, было много. Крепко мешали кулаки и подкулачники.

— Так ведь и дело-то новое, неизведанное, — поддержал Семеныча Фомин.

— Это верно, — продолжал Евстигнеев, — никто не знал, что даст крестьянину колхоз, а до этого он землю имел, Советская власть не обижала мужика. Однако кулак-мирод и землю за-

хватывал получше, и машины покупал, потому как деньги имел. И бедняку с ним трудно было тягаться. Встал вопрос: кто — кого? Или кулак нас, который хотел задушить Советскую власть голодом, или мы его. Порепшили кулачество ликвидировать как класс. Новую жизнь легче стало строить. Правда, по-разному строили. Вперед объединялись для обработки земли, потом в артели и колхозы...

Поляки переговорили о чем-то по-своему, задавая все тому же поляку, который разговаривал с Семенычем, новые вопросы и попросили перевести их русским. Поляк согласно закивал и тут же задал вопрос советским воинам:

— Скот, машины, копей — все отдали в колхозы?

Русские полпреды заулыбались, загалдели.

— Отвечай, Семеныч, как есть, — посоветовал капитан Тарасов.

Евстигнеев притушил улыбку, сказал:

— По-разному было. В некоторых деревнях даже кур обобщали. Таких Советская власть поправила, в общие дворы стали сводить только рабочий скот и инвентарь. В поле выходили работать всем селом. Сообща и дело стало лучше спориться. Тогда-то и поняли крестьяне, что один в поле воин. Вот такое дело.

Семеныч поглядел на поляков изучающим взглядом, затем сделал шаг к одному пожилому крестьянину, который, как показалось Семенычу, слушал его с особым подобострастием, спросил:

— Можно спросить вас, пан?

Поляк радушно улыбнулся, заговорил на довольно чистом русском языке:

— Да, да, товарищ. Я хорошо понимал вас, можно говорить. Я буду вас слушать.

— У вас личное хозяйство большое?

Поляк подоткнул под пояс войлочную шляпу, показал ладони, проговорил:

— Вот они, ими и роблю.

Поляк поглядел на окружающих, продолжал:

— Да у Ваиды, моей старухи, такие же две дряхлые руки целоком излего, стирала... — старик посмотрел вверх голов присутствующих, закончил. — Проклятая жизнь.

Евстигнеев взял ладони поляка в свои руки, сказал твердо:

— Не горюй, отец, — переменится вапа жизнь, не горюй! Держитесь друг за друга, вот наш совет. А мы вас в беде не оставим.

— Други, други! — расстрогался старый поляк, отвечая на рукопожатие Евстигнеева. Тут же и руки всех присутствующих русских и поляков переплелись в рукопожатиях, посыпались

дружественные возгласы и громкий смех. Стефан Кравница отвел в сторону Евтигнеева и еще нескольких солдат, сообщил им:

— Добрый старик, дед Стефан, мой тезка. Горе у него с Вандой большое. Над дочкой фашисты надругались, а два сына в партизанах были, не вернулись с задания.

Семеныч расстроился, помрачнел. Потом вдруг оживился, и, снимая на ходу полушубок, протиснулся к старому поляку, громко объявил:

— Давай, дед, побратаемся. Бери полушубок, а мне давай свой зипун, согласиш?

Стефан вначале оторонел, а потом, когда понял, что от него хочет русский солдат, охотно переселся.

Евтигнеев надел на себя одежду из добротного толстого сукна и посмотрел на капитана Тарасова: не осуждает ли? Но Тарасов не только не осуждал, но был даже очень доволен таким решением ветерана и пожелал деду Стефану и Семенычу встречу после войны за праздничным столом.

Возвращались перед заходом солнца. Легкий морозец, навевный слабым северным ветерком, приятно хрустел льдом под колесами брички. Встреча в душе каждого оставила заметный след. Слова благодарности за освобождение от рабства теплились в каждом солдате, рождая гордость за свою Родину. Семеныч, ехавший в гости молча, погруженный в грустные раздумья, на обратном пути оживленно разговаривал:

— Вот такие дела. Вчера война шла, поди, думали о спасении, а сегодня вой как о жизни разговорились. Вот, Вася, — обратился Семеныч к рядовому Кравцеву, — мотай себе ла ус. Ты молодой, жить да жить, и деткам своим и чужим и внукам передай, какое забавление наш народ принес другим народам. Не щади своей жизни.

— Ты прав, Семеныч, — вступил в разговор сфрейтор Фомин, — ради чего мы воюем на земле поляков, чехов и других? — задал неизвестно кому он свой вопрос и сам же ответил на него. — Чтобы выкорчевать фашизм на всей земле и дать спокойную жизнь всей Европе...

— А ихняя земля нам не пужпа, — подытожил Семеныч, — вот такие дела.

6

Новый 1945-й год части 322-й стрелковой Житомирской Краснознаменной дивизии встречали, одержав ряд крупных побед в минувшем 1944 году. Поздравляя личный состав с Новым годом, командование обращалось к солдатам:

«Мы, воины Красной Армии, должны выполнить свою последнюю заключительную миссию: довершить вместе с армиями наших союзников дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя Победы...»

После торжественного ужина, устроенного солдатам в честь Нового года, личный состав пятой роты 1085-го полка расположился на отдых в бывшей немецкой казарме.

Пятая рота разместилась в большом зале, сплошь заставленном длинными скамьями. От чисто вымытого деревянного пола веяло чем-то домашним, а свежие широкие шторы на больших окнах напоминали уютную горницу. Но ротный старшина обратил внимание совсем на другое:

— Ты смотри, до чего хитрый фриц пошел, — обследуя помещение, говорил он. — Конторки строить стали с большими окнами, чтобы легче было драпать, — закончил он под общий смех красноармейцев.

Вскоре кто-то достал радиоприемник и настроивался на московскую волну, в другой части помещения устроились ротные комсомольцы, что-то ищут, рисуют, стараясь сохранить в секрете все свои действия. Кого-то будут продираТЬ в своей стенгазете «Штык».

Семеныч, Фомин и Вася разместились, как всегда, рядышком и перекидывались бесхитростными шутками. Дружкой тройки в роте удивлялись: что их объединяет? Возраст разный, Семеныч шестой десяток разменял, Фомину сорок два исполнилось, а Васе Кравцову всего-то двенадцать. Ну, Семеныча понять можно, этот любит побалакать, как он сам говорит, с мальцами, ум свой сверять, вкус к жизни, настроение и все такое, поэтому он и привизался к любознательному и везде поспевающему Васе. Фомин подходит к нему как человек рассудительный, мудрый и в то же время веселый. Зато Фомин не мог спокойно переносить Васины проделки. То он где-то пропадет, не сказав командиру отделения, куда ушел, то на построении ляпнет чего-нибудь такое, что взвод начинает смеяться, старшина цепляется до отделенного: почему шум? Неприятно получать замечания от командира из-за невдержанного мальчишки. Был бы я твоим отцом, думал Фомин, ты бы у меня быстро затих. Но только стоило ему взглянуть на лицо Васи, выразившее в эту минуту серьезность и деловитость, с которым он шнырял обоими локтями своих товарищей, упрекая их за вылезшие носки и ввалившуюся грудь и тут же замирая в стойке «смирно!», а глазами искал глаза старшины, чтобы убедить того, какой он хороший, у него проходило зло, и все кончалось

тем, что грозил солдату пальцем, а на лице появлялась сдержанная улыбка.

Была у Васи еще одна «хорошая струнка», как выразился Семеныч, — страсть к чтению. Где бы он ни был, чем бы ни занимался, а книга всегда была при нем. Семеныч первым установил, куда пропадает его молодой друг, не раз видел, как тот возвращался из штаба полка с книжками под мышкой. Бывало и так, что вокруг Васи собирались любители художественной литературы, которым он читал отмеченные самим наиболее интересные места, а сюжет между ними просто пересказывал.

Находились минуты и для душевного разговора, когда однополчане узнавали друг о друге всякие подробности, взаимно читали письма, показывали фотографии любимых, детей. Это было подходящее время и для того, чтобы вспомнить и о погибших боевых товарищах, которым нередко еще продолжали идти письма. Бывало же так, когда похорошку на отца дети скрывали от матери, и она продолжала писать мужу письма и ждать ответа. Семенычу и Фомину не раз доводилось сообщать в семьи погибших, подробно описывать бой, с которых не вернулись их товарищи по оружию.

За три года боевого пути, постоянно находясь на самых ответственных участках боев, Евстигнеев и Фомин вели вперед молодых бойцов. В бою, особенно в ближнем, очень важно не растеряться, не поддаваться страху, преодолеть его, суметь сломить врага своими решительными действиями. Этому искусству молодых обучали бывалые воины.

Я сделал несколько выписок из донесенной политотдела дивизии, в которых подробно описываются боевые действия молодых солдат, прошедших школу воинской доблести у ветеранов, — в результате за время Тарнопольских боев за образцовое выполнение боевых приказов командиров представлены к правительственным наградам 178 комсомольцев дивизии, за это же время в комсомод вступило 162 молодых бойца, отличившихся на фронте, 53 комсомольца рекомендованы в партию.

Срок пребывания 1085-го полка во втором эшелоне закончился. В его подразделениях влилось много молодых солдат. Командиры батальонов, рот, взводов и отделений делали все, чтобы новички всесторонне подготовились к будущим боевым действиям. На занятиях разбирались отдельные эпизоды прошедших боев, зачитывались рассказы о героизме воинов, напечатанные в дивизионной газете.

И когда связист возвратился из штаба полка с пачкой свежих газет, Семенчик подозвал к себе Васю Кравцева, который раньше всех успел перехватить газеты, сказал:

— Почитай-ка, Вася, вслух, пусть ребята послушают, может, что и пригодится.

Вася, как всегда, с готовностью сделать другу приятное согласился и пригласил всех сесть поближе. Развернув газету «За Родину», он пробежал глазами по заголовкам и громко сообщил:

— Так это же о наших ребятах! Слушайте! Об Алешке Французове сколько написано! Вот это да!

— Ну-ка, почитай, — вынимая из кармана кисет, приказал ефрейтор Фомин, — это наш парень, ранило его в том бою, жив ли?

Кравцев взглянул на всех, начал читать:

«Младший сержант Алексей Французов первым ворвался в траншею противника при прорыве вражеской обороны, закидал гранатами немецкий пулеметный расчет, чем дал возможность подразделению продвинуться вперед и выполнить поставленную боевую задачу. В бою за один важный объект в городе, где противник особенно ожесточенно сопротивлялся, А. Французов первым подпоясав в атаку и с возгласом «Ура!», «За мной!», «За Родину!» — увлек за собой бойцов, ворвался в помещение, где находились немцы. В фашистов полетели гранаты, метко брошенные смелыми комсомольцами. Несколько гитлеровцев было убито, восьмеро сдались в плен. За дни тарнопольских боев Французов уничтожил 17 немецких солдат и офицеров, 3 огневые точки противника, взял 8 пленных...

Пример мужества и храбрости в боях за Тарнополь показал комсомолец рядовой Иван Гордецкий. В бою на улицах города он первым ворвался в один из домов, занятых немцами, убил 6 гитлеровцев и захватил пулемет. В другом бою Гордецкий был ранен, но отказался уйти с поля боя, продолжал сражаться и истребил еще 3-х немцев...

Бесстрашным воином показал себя комсомолец связной Григорий Витрик. В дни напряженных боев он по 12—13 раз исправлял повреждение в телефонной линии, порывы. В одном из боев Витрик держал связь между командиром батальона и роты. Связь проходила через городскую площадь, которая простреливалась противником. И вдруг порыв линии. На исправление повреждения ушли три связиста, но не дошли до цели. Тогда Витрик вызвался сам исправить повреждение. Ползком под ураганным огнем, то притворившись убитым, то оживая, отважный комсомолец добрался до места повреждения. Подняться было нельзя: ливень пуль сразу бы его скосил. Тогда Витрик одной рукой и зубами соеди-

нил концы провода, и связь заработала, командир батальона получил возможность управлять боем...

Образцы воинского умения и героизма проявил и командир 7-й стрелковой роты 1085-го стрелкового полка комсомолец лейтенант Гекало,— продолжал читать Кравцев.— Подразделение, руководимое им, все время боев за город Тарнополь всегда успешно выполняло поставленную задачу. При прорыве вражеской обороны бойцы Гекало первыми поднялись в атаку, ворвались в траншею противника, уничтожили более 100 гитлеровцев и 5 огневых точек. В одном из боев, когда подошла критическая минута и кто-то из бойцов попытался попятиться назад, лейтенант Гекало появился в боевых порядках роты и с возгласом «Бей гитлеровских гадов!» бросился вперед, на ходу стреляя из автомата и бросая в противника гранаты. Им было уничтожено 7 фашистов. Героический подвиг командира воодушевил бойцов, и они бросились за ним на врага. Боевая задача подразделения была выполнена образцово...»

Кравцев закончил читать, сказал:

— Вот так и надо действовать. Ясно?

Но Семеныч перебил своего друга:

— Так, как тут написано, в бою может не повториться, и действовать надо по обстановке: где запрыгнуть в траншею, а где и обождать, если видишь, что можно взять противника со стороны. Рисковать лишнего не надо, однако дремать и трусить тоже нельзя, враг он того и ждет, чтобы ты поколебался.

Живо и предметно, с пользой для дела проходили в ротах беседы фронтовиков-ветеранов с новым пополнением. Бывалые солдаты рассказывали молодежи о многих боевых эпизодах, в которых они участвовали, учили, как вести рукопашный бой в немецких траншеях, блокировать огневые точки врага, преодолевать проволочные заграждения.

Вот и сейчас, находясь на отдыхе, солдаты 5-й роты сошлись вокруг тройки друзей. Здесь можно услышать и шутку, и байку про Гитлера с Геббельсом или Фрица с Гансом. А главная причина того, что влекло всех сюда — несколько иная. Перед выступлением в бой, как бы ты храбро себя ни вел, все равно где-то под локоточкой точит, бьется волна о красненькое сердечко, заставляет думать о предстоящих сражениях. Семеныч и Фомин это состоявшие молодых хорошо понимали и неподволь отвлеченные разговоры сводили к фронтовой практике, вспоминая самые редкие случаи в своей жизни. Все может пригодиться в бою.

Беседу прервала неожиданно появившаяся девушка из полевой почты.

Около старичков осталась всего лишь небольшая группа красноармейцев из тех, кто не ждал писем. Спокойно отнесся к приходу почтальона и Семеныч, так как недавно он получил несколько писем. Но к его удивлению и радости его фамилию назвали одной из первых. Быстро распечатав треугольник, он сразу же узнал почерк Ивана-младшего.

«Дорогой папа, здравствуй! — писал сын. — Получил твое письмо, за что очень благодарен. Из дому пока ничего не получал. Видимо, расстояние даст о себе знать, да и писать им особо нечего, все по-старому, без изменений.

Миша пишет, что скоро снова вернется в строй, хочется ему в свою часть попасть, как и каждому из нас. Видимо, у него получится, ведь он не в госпитале, а в своем дивизионном медсанбате. Я действую тоже на Сандомирском направлении. У меня все по-старому. Вот и все, пожалуйста, пиши.

Крепко целую, твой сын Иван».

Семеныч еще раз пробежал глазами письмо и не верил, что сын находится где-то рядышком. Ах ты, мать честная, досадовал он. Хоть бы на неделю раньше получить эту весть, слетал бы к сыну, не отказали бы в штабе полка. Решив, что после выхода на отдых в следующий раз он обязательно отпросится и съездит к Ивану, сел писать ему ответ.

«Здравствуй, дорогой сынок Ванюша! — писал он. — Получил твое письмо и очень рад. На днях и от Миши пришло. Он пишет, что легко ранен в шею. И скоро вернется в строй. Да, сынок, служба у него нелегкая, разведчик.

Получил письмо и от матери, где она пишет, что у них все по-прежнему.

Дорогой сынок, снова я иду на передовую. Писем мне пока не пиши, буду жив — сам напишу.

Крепко целую, твой отец Александр Евстигнеев».

Свернув треугольник, Семеныч передал его бойцу, собравшемуся в почтовое отделение полка, и вернулся на свое место. Многие еще дописывали свои послания, и старшина роты торопил их, предупредив, что скоро начнется открытое партийное собрание, и всем стало ясно, что полк выдвигается на передовую.

В ожидании командира комсорг роты читал вслух журнал «Крокодил», повернув его так, чтобы все видели карикатуры на Гитлера и Геббельса, склонившихся над глобусом:

— Бродячие фрицы сверхнезачальны,
Немцы сверхневеселы,
Сверххитрыиз о сверхтотальной
На стене повесили.

Дает итог довольно скудный
Сил реализации...
Не назвать ли сверхвауцпной
Сверхмобилизацию?

В этот момент в помещение вошел командир полка полковник Тимофеев и с ним еще несколько старших офицеров. О командире полка солдаты слышаны были много. Потерявший счет своим ранениям, он никогда не ложился в госпиталь, боясь, что потом его направят в другую армию, а поэтому штампал раны в медсанбате на скорую руку.

Невысокий, худощавый, с добрыми улыбочными глазами, он больше был похож на штатского человека, обремененного сугубо мирными делами, чем на командира полка, поэтому солдаты при встрече с ним не очень робели, а смело и прямо смотрели в его глаза.

Тема партийного собрания, на которое он пришел в 5-ю роту, была, как и во всех других подразделениях полка, проходивших в этот час, одинаковой: «Значение личного примера в бою». Командиру полка было что сказать не только молодому пополнению, но и ветеранам, хорошо знавшим личные качества Петра Клементьевича, которому «армия, — как скажет в своих мемуарах бывший командир дивизии тридцать пять лет спустя, — давно уже стала роднее семьи и дома. Он всегда заботился о нуждах солдат неизмеримо больше, чем о своих собственных. Поэтому ни в одном другом полку люди не питались так сытно, не имели такого молодцеватого вида и бодрого настроения, как у него, в 1085-м».

Доложив командиру полка по уставу, ротный дал команду «Вольно!» и разрешил всем сесть на подготовленные места.

После короткой вступительной части слово было предоставлено командиру полка. Он излагал мысли отрывистыми тяжеловесными фразами, которые были понятны каждому солдату. Рассказывал о том, как сражались бойцы полка в предыдущих боях, сколько героических подвигов было совершено ими в период овладения такими крупными городами, как Тарнополь, Львов, где пример мужества поддала коммунисты, комсомольцы и прославленные ветераны дивизии. На отдельных, ярких эпизодах Тимофеев рассказывал о том, как должен действовать автоматчик на танке, как должен продвигаться оружейный расчет вместе с наступающей пехотой, особенности ведения боя за высоту, о взаимодействии мелких подразделений с танками, затем уяснил меры, которые будет предпринимать штаб полка для более тесного взаимодействия между ротами первого и второго эшелонов и соседними батальонами на случай, если противник введет в дело танки...

Семеныч слушал Тимофеева первый раз, хотя в этом полку командир уже больше года. Правда, видеть со стороны приходилось и раньше, а вот слушать такие речи не довелось. Простой и в то же время строгий, солдатское дело знает, оттого, стало быть, и воюет умеючи, дорожит каждым солдатом. В тот момент, когда Семеныч увлекся своим внутренним рассуждением, он сквозь пелену мечты услышал свою фамилию. Командир полка называл тех, кто отличился в прошлых боях, обеспечивал продвижение вперед отделений, взводов, роты и даже батальона.

— Надо хорошо обдумать свои действия в бою, грамотно их выполнить — вот что такое умело воевать, — говорил полковник. — А душа наступления — быстрота и натиск, — закончил свое выступление Тимофеев.

Затем говорили командир роты, замполит, комсорг, рядовые бойцы — коммунисты, комсомольцы, которые делились боевым опытом, призывая молодых солдат драться с фашистами, не жалея сил и жизни ради социалистической Родины. Многие ораторы, вспоминая минувшие бои, называли фамилию Семеныча как бойца, рядом с которым в бой идти не страшно. Все подскажет, поправит, как надо действовать в сложной обстановке. А когда выступал комсорг и благодарил старых воинов за хорошую наставническую работу среди молодежи роты, в том числе и Семеныча, Тимофеев попросил слова, чтобы зачитать письмо, в котором польские жители просили передать добрые пожелания всем, кто участвовал на встрече с ними.

— Среди них были воины и вашей роты, это ефрейтор Фомин и рядовые Евстигнеев и Кравцев, — сказал полковник.

Солдаты оживились, кое-где раздались хлопки в ладоши.

— Хорошую работу провели, — продолжал он, — приятно, когда мирное население встречает советских воинов вот с таким настроением, — подняв листок над головой, заключил командир полка.

Собрание закончилось перед ужином, когда стало темнеть. Семеныч велел и со всеми вместе направился к выходу, чтобы покурить. К нему присоединился Кравцев. Шагая рядом, он по-сыновнему нежно смотрел на Семеныча, который морщился от какой-то боли, может быть, пересидел ногу, или вступило в бок, как часто бывает у людей его возраста, думал Кравцев и посоветовал:

— Может к санструктору сходим, а, Семеныч? Сейчас скажу отделению...

— Не кипятись, — остудил его Семеныч, — лошадь, когда валяется, тоже с места не сгоняешь, так и человек, вот разоидусь немножко — ты только поспевай за мной, — улыбнулся Семеныч.

За зданием, где они сели покурить на выступ фундамента, была тишина, на западе догорал алый закат, легкий морозец приятно цекотал поздри, после душного помещения дышалось легко. Некоторое время курили молча. Нарушил молчание Вася.

— Семеныч, а, Семеныч, вы который раз идете в бой? — спросил он друга, хотя давно знал все подробности его фронтовой жизни.

— Шут его знает, в сотый уж никак, — поддержал разговор Семеныч, — если считать все стычки, разведки боем, коптратаки фрицев.

— Ночью пойдем, как думаете, Семеныч? — продолжал волноваться молодой солдат. — Прошлый раз ночной был марш-бросок. К рассвету и застали фрицев в подштанниках, — засмеялся Кравцев.

— Ох, и устал я тогда! Мокрый, грязный, отдохнуть бы, только спрыгнул в окоп, а тут команда: «вперед!» И вижу, вы перебежку сделали, ну и я — к вам.

— Молодцом держался, — похвалил Семеныч, — орден, считай, на груди. Пулеметную точку подавил быстро. Запомнил, как действовал? — спросил Евстигнеев.

— Ничего не помню, — признался Вася, выпуская дым из поздрей и наблюдая на фоне светлого неба, как он поднимается вверх.

— Убей — не помню, — подтвердил еще раз Вася. — Вижу, фрицы меня не замечают, что захожу к ним с флапга, осмелел, сделал еще бросок, из винтовки хорошо можно прицелиться, нет, думаю, а вдруг промажу, рука-то дрожит, сделал еще бросок, прикидываю, можно ли достать гранатой, опять боюсь, снова подишся, чтобы поближе подкрасться, и тут, — Вася затянулся дымком, видно, разволновался, — они меня заметили, спешат развернуть пулемет, а передо мной никакого укрытия, я тогда дернул за чеку и что было сил бросил в них гранату...

— Все черно, — сказал Семеныч. — А говоришь, что не помню. Хорошо сделал, смело, только не остерегался.

— А чего остерегаться? — возбужденный рассказом, выкрикнул Вася. — Я же вижу их.

— А другие фрицы в это время чего делают? — спросил Семеныч и ответил сам же. — За тобой следят. Ждут подходящего момента, чтобы тебя скосить. Понял?

— Понял, — сказал Кравцев, понизив голос, но тут же оживился. — Водь не скосили же! — рассмеялся.

— Скосили бы, — затянулся Семеныч так, что затрещал табак в цигарке, — скосили бы, верное слово.

— А почему же не... — догадываясь о чем-то, осекся на полуслове Вася.

— От пристал, чего да отчего. Села баба на плечо, вот от чего, — весело закончил Семеныч. — Пойдем подкрепимся, да как следует. Чует мое сердце, сегодня двинемся... — Он встал, увлекая за плечо притихшего Кравцева. Ложки и котелки были при себе, и они сразу направились к месту, где размещалась полевая кухня.

Вася впервые подумал о том, что если бы не этот человек, то с ним, с Васей, могло произойти что-то страшное. Но Вася тут же о себе забыл, не спуская глаз с друга. В густеющих сумерках он чуть различал его закрученный ус, нос и огонек сигарки, прыгающей в такт его шагов. По молодости своей и тщеславию, живущему в нем по той же причине, Вася не мог себе вообразить, как можно умолчать, если ты спас жизнь своему товарищу по оружию! А Семеныч промолчал даже во время разбора этого боя, и все приписали одному Васе, будто он один обеспечил продвижение взвода, подавив огневую точку противника. А на самом деле, если бы Семеныч не прикрывал его, то Вася не только не сумел бы поразить противника, но и мог быть убитым. Придя к такому выводу, Вася не сдержался и спросил об этом. Семеныч коротко ответил:

— А ты бы разве меня не прикрыл, Вася?

— Да я не о том, — раздражался Вася, все больше убеждаясь в своей правоте. — Мне орден. А вам?

— Не обойдут и меня, — спокойно ответил Семеныч, — сегодня ты получишь, завтра — я. Чего тут горевать...

7

Не останавливаясь, лавина советских войск проследовала через Львов и двинулась на запад. Впереди их ждали тяжелые бои на Висленском плацдарме. Полки 322-й стрелковой дивизии наступали на главном направлении и в первом эшелоне.

В боях этого периода и позже, во время овладения Краковским укрепленным районом, стрелкам довольно часто приходилось штурмовать мощные немецкие долговременные огневые сооружения.

Войдя в прорыв в составе 28-го стрелкового корпуса, 322-я дивизия в районе западнее Папанув 13 января получила полосу для наступления и вступила в бой с противником на рубеже реки Нида в районе Юркув, Колецмосты.

Перед фронтом дивизии действовала разбитая 34-я пехотная дивизия немцев. Ведя стремительные четырехдневные бои по

уничтожению противника, 322-я дивизия к семи вечера 16 января овладела рубежом Посквитув, Воля Вещлавска, Залужице, Садова, Маршофиде, Скиешовице, Пшецлавице, с ходу разбив подошедшую 602-ю пехотную дивизию врага.

На следующий день с утра части дивизии завязали бои непосредственно на подступах к Кракову на рубеже Михайловице, Ксенжички на так называемом Краковском обводе, укрепленном целой системой противотанковых и противопехотных препятствий, который обороняли разбитые части 602-й немецкой дивизии и вновь подброшенный на этот рубеж 35-й крепостной батальон «Остланд», штурмовой батальон «ЛОКА-17» и смешанная 52-я авиаэскадра с танками 31-й танковой бригады.

17 и 18 января дивизия вела упорные бои по преодолению сильно укрепленных позиций Краковского обвода на подступах к городу и, отбивая неоднократные контратаки пехоты и танков противника, сломила сопротивление обороняющихся и в одиннадцать вечера 18 января во взаимодействии с частями 4-го танкового корпуса ворвалась в Краков, уничтожая сильно сопротивляющегося противника, штурмом овладела городом, с ходу форсировала Вислу на юге города по льду (мосты все взорваны) и к утру полностью очистила Краков от противника.

На воспоминаний бывшего командира 2-го взвода стрелков 5-й роты Л. П. Усикова:

«8 января нас снами и форсированным маршем перебросили на Львовско-Сандомирский плацдарм. Ночью скрытно мы подошли к переднему краю и после артподготовки пошли в наступление. Ранее я воевал в составе 2-й гвардейской армии и помнил бои под Катыльничовом, на Миусе, Диснре, был там дважды ранен, поэтому знал, что такое прорыв.

Наш батальон, где пешком, где на танках, продвигался к Освицимскому. Тут немцы стали оказывать более упорное сопротивление, и мы днем не сумели форсировать реку, и только ночью, когда противник не ожидал, мы преодолели хотя и не широкую, но довольно глубокую речку. День и ночь шли к Кракову, обтекая обширные руины противника, которые уничтожал второй эшелон.

Во все наступление не помню, чтобы кто-нибудь попытался отойти, только вперед и вперед. Помню случай один, двигались по дороге выходящим порядком, и со вводом шел метром 100—150 впереди батальон, дорога опускалась в ложбину. С правой стороны виднелся населенный пункт, удобней позиции не найти. И лично решил разведать позиции противника. Для связи я взял одного молодого солдата, фамилию его не помню, но, кажется, он был из города Сталино и опытного стрелка Евстигнеева. В роте его звали Соловьевым, а вот откуда он, точно не скажу. Втроем

мы стали подниматься на горку и через 250 метров примерно буквально наткнулись на траншею немцев. На фланге у них станковый пулемет, расчет заметил нас и повернул пулемет в нашу сторону, мы залегли и открыли огонь, не давая ему поднять головы. И все же фашисты сумели дать очередь в нашу сторону. Евстигнеев бросил гранату, но цель не поразил, тогда он бросил вторую — пулемет смолк. А граната была РГД, без чехла, могла и не причинить вреда пулемету, к тому же еще кто-нибудь из пулеметчиков мог уцелеть. Тогда я быстро вскочил и дал по пулемету очередь, смотрю, и солдаты за мной, они рядом, а впереди из окопов поднимаются руки. Фашистов оказалось не меньше взвода. Оказывается, комбат услышал перестрелку и развернул батальон на немцев, которые подумали, что и с фланга такая же сила, а нас всего трое было...»

Исследуя архивные документы 1085-го полка, я прочитал сотни страниц рукописного и взредка машиннописного текста, в которых каждая строка, каждое слово говорят о подвиге советских воинов.

Все напряженнее становились бои на подступах к Кракову. О том, как сражался полк на подступах к польскому городу, рассказывают скупые строки журнала боевых действий полка. Приведу записи всего лишь трех дней до гибели Евстигнеева, по которым можно проследить о том, какое сопротивление оказывал противник и какой героизм проявили советские воины на польской земле, освобождая ее от фашистской неволи.

«17. 01. 45. Противник отступает в направлении г. Кракова, оставляя для прикрытия своего отхода группы автоматчиков. Авиация противника в составе 16-ти мессеримиттов сделала налет на обоз зимовода и сапроты. Подразделения полка ведут наступательный бой за подступы к Кракову, противник жестоко сопротивляется, но, несмотря на минометный и ружейно-пулеметный огонь, подразделения полка теснят противника, продвигаясь по шоссе по дороге. Противник из населенных пунктов Венгжце, Моршовице воспрепятствовал дальнейшему продвижению подразделений полка, и был дан приказ повести наступление в обход этих населенных пунктов на Бабице и с Бабице повести наступление на Винтковице, тем самым создало угрозу противнику быть окруженным, и он с большими боями отступил.

Потери противника: убито до 120 солдат и офицеров. Разбито орудий — 2, пулеметов — 5, автомашин — 4.

Наши потери: убито при бомбежке в с. Михайловцы — 6, ранено — 30 человек.

18. 01. 45. Противник, опираясь на долговременную оборону, сделанную вокруг г. Кракова, оказывает сильное сопротивление.

Подразделения полка продолжают преодолевать препятствия — доты, дзоты и траншеи и продвигаются вперед.

Достигнув северной окраины населенного пункта Продник Бялы, подразделения полка завязали бои, которые носили ожесточенный характер, противник жестоко сопротивляется, обороняя Краков, но полк полностью сумел овладеть населенным пунктом Продник Бялы.

Потери противника: убито до 150 солдат и офицеров, захвачено в плен 9 солдат и офицеров, в том числе обер-лейтенант 545-й пехотной дивизии. Действующий против нас 59-й танковый полк потерял 2 сожженных и 3 подбитых танка.

Наши потери: убито 13 человек, ранено — 28 человек.

19. 01. 45. Противник оказывает упорное сопротивление на подступах к г. Краков и в боях за сам город Краков. Противник сделал вокруг города — 4 линии траншей, доты и дзоты. В городе все каменные помещения были приспособлены к обороне. Все деревянные здания на улицах приспособлены для ведения обороны города. В 1-х и 2-х этажных домах были сделаны амбразуры для ведения уличного боя.

18. 01. 45 в. в 23.00 подразделения полка ворвались в город, и при быстром наступлении, при правильном сочетании огня с наступлением пехоты противник был вынужден отступить. Молниеносное наступление подразделений не дало возможности противнику надолго задержаться в городе и оказывать сопротивление. Противник вынужден был быстро оставить город.

19. 01. 45 в 3.00 подразделения полка достигли реки Висла. Быстро организованная переправа через реку на льду, подразделения полка стали продвигаться вперед вместе с артиллерией.

19. 01. 45 в. в 18.00, наступая в южном направлении, подразделения полка достигли южной окраины станции Демники — Подурже.

Противник потерял: 200 солдат и офицеров, 1 разбито танков — 4, автомашин — 19, пушек разного калибра — 6.

Наши потери: ранено 48 человек, убито — 9 человек...

В ожесточенных боях за город советские солдаты проявили подлинный героизм. В авангарде командиров были опытные воины.

Своими нормами штурмовали укрепления врага, применяя смекалку и находчивость, инициативно пробивали туда, где противник их не ожидал, увлекая за собой остальных бойцов. И так дом за домом, улица за улицей, квартал за кварталом переходили в руки советских воинов. Но в центре враг построил наиболее мощные укрепления и пристроил все подступы к ним.

Командир первого отделения ефрейтор Фомиа доложил командиру взвода о том, что боеприпасы на исходе, а пройти к ротному пункту боепитания невозможно: улица, перекресток поливаются ураганным огнем.

— Немедленно отправьте солдата за боеприпасами, — приказал командир взвода, выслушав отделенного. Ефрейтор сдвинул каску на затылок, вытер взмокший лоб, сказал:

— Вот беда — не пройти. Палят страшно...

Этот разговор слышал стоявший рядом Евстигнеев, предложил:

— Перехитрить его надо. — Показал кивком на противоположную сторону улицы: — Вишь, колонна на крыльце дома?

— Фасад, — вставил лейтенант.

— Конечно, фасад, — согласился Семеныч. — Приглядишься-ка хорошенько и прикинь, какая у нее толщина? Метр, поди, не меньше. Она закрывает обстрел, эта колонна. Только надо рассчитать, в каком месте улица не попадает под огонь. Там и проскочить.

— Хитро, — ухмыльнулся Фомиа, — а кто пойдет? Кого пошлешь на верную гибель?

— Эх разговоры развел, — хмыкнул Семеныч, трогая усы. — Да хоть меня посылай, добегу...

Тут вмешался комсомолец Свительский:

— Товарищ лейтенант, Семеныч прав. Поглядите, как поковыряна мостовая во всех местах, а воп полоска как половничок лежит, не пристреляна, пожалели, видать огневую точку... На свою голову, — после паузы закончил Свительский, а потом добавил. — Разрешите мне попробовать?

— Выполняй! — коротко ответил командир взвода.

Благодаря наблюдательности опытного солдата была найдена возможность пополнить боеприпасы. Свительский добрался до пункта, по обратно выбраться уже не было возможности — полоса была пристреляна. Как же вышел из положения молодой боец? Вот что сказано об этом эпизоде в боевом дописании начальника политотдела дивизии Охапкина.

«...Все попытки проползти были безуспешны. Стоило ему только появиться на мостовой, как на него сыпался ливень огня. А боеприпасы у бойцов были на исходе, и Свительский об этом хорошо знал. Бой разгорался все сильнее. Тогда комсомолец находит длинную веревку, к одному концу привязывает кусок металла и перебрасывает ее на противоположную сторону улицы. И теперь, как по конвейеру, бойцы получали все необходимое для ведения боя».

Паходчивость, смекалка одного солдата становились известными в роте, батальоне, полку, это побуждало других к поиску лучших путей для выполнения задания. В этом же бою проявил находчивость и солдатскую смекалку командир отделения сержант Ревчук. Заскочив в одну из улиц, он заметил, что несколько гитлеровцев юркнуло в подвал дома. Оттуда сразу застрочил пулемет. Сержант незаметно обогнул дом и подкрался к входу в подвал с тыла. До его слуха донесся возбужденный говор немецких солдат, суетившихся у пулемета. Не мешкая, Ревчук подскочил к двери, сильным ударом приклада вышиб ее, швырнул в подвал противотанковую гранату. В тот же момент пуля оборвала жизнь храброго сержанта, но гитлеровцы заплатили за это дорогой ценой.

Как выяснилось уже после боя, в подвале укрывалось более тридцати фашистов. Около двадцати были убиты взрывом гранаты, остальные получили тяжелые увечья. Так один советский воин вывел из строя целый вражеский взвод...

От бывалых фронтовиков быстро набирались отваги, сметки и молодые бойцы. Многие из них также не упускали возможности проявить инициативу, померяться с врагом силами в жестоком единоборстве.

На письма командира роты Иллариона Михайловича Голушко: «Уважаемые товарищи!

Мы спрашиваем о вашем земляке Евстигневе Александре Семеновиче, который воевал в 1085 с. п. 322 с. д. Кратко сообщая.

В одно время получаю пополнение и спрашиваю всех, кто откуда. Были товарищи из Грузии, Армении, Казахстана, один из них был пожилей, он сказал, что прибыл из Башкирии и зовут его Александром. С тех пор этот товарищ был зачислен в наш первый батальон.

Рассказать подробно о боевом пути его очень трудно в связи с длительным временем, прошедшим после войны, но некоторые моменты могу сообщить.

Когда наш полк подходил к Кракову (Польша), то боевые действия становились все сильнее и сильнее. Под большим давлением ИИЗ дивизии и нашего 1085 полка противник вынужден был отступить в Краков. В этой операции бойцы нашего полка в своей роте проявили не щадя своей жизни. После взятия города вражеские подразделения противника, который делал несколько контратак и все они были опрокинуты нашими воинами-патриотами своей любимой Родины.

В этих кровопролитных боях опытный стрелок Евстигнев ушел из строя противника, подбираясь к нему неожиданно и стремительно я увял на себя молодых бойцов.

20 января 1945 года бой был необыкновенной силы, даже доходил до рукопашной схватки. В этом бою и проявил героизм товарищ Евстигнеев Александр Семенович».

Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, 1085-й полк, успешно выполняя свои боевые задачи, почти без потерь продвигался в заданном направлении. Умело используя танки и артиллерию, стрелки стремительно выбивали врага из всех щелей неподступных укреплений. Командир роты лейтенант Голушко то и дело посылал связных к комбату, артиллеристам и танкистам, уточнял оперативные задания. Перед ротным командным пунктом проходили окопы, где солдаты готовились к отражению новой контратаки противника, стремившегося захватить вновь высоту 318 (Лушно). Семеныч видел, как возвратились связные от артиллеристов, потом от танкистов и, получив новое задание, снова проскочили куда-то в сторону КП батальона и полка. Стояла напряженная тишина. Семеныч поглядывал назад: нет ли поблизости своих танков? Их не было. Молчали и орудия. Противник находился всего в двухстах метрах. Линия фронта действовавшего сирава 1079-го полка клином уходила назад. Эта позиция беспокоила Голушко: противник в любую минуту мог зайти с фланга батальона и тем самым заставить его отвлечь силы от главного удара и, воспользовавшись этим, потеснить батальон и перехватить инициативу в свои руки. Командир роты просил подкрепить правый фланг танками и артиллерией. Однако подкрепления не было видно, Голушко нервничал, так как противник с минуты на минуту мог начать контратаку. Чтобы проверить боеготовность, командир роты решил пройти в окопы к солдатам. Увидев Семеныча и ефрейтора Фомина, которые следили за позицией противника, у Голушко на душе стало спокойнее. Ветераны, прислонившись к краю окопа, не спускали глаз с вражеских позиций. Взводный находился на правом фланге, чтобы на расстоянии видимости и слышимости осуществлять связь с соседним подразделением, поэтому командир первого отделения ефрейтор Фомиц, оставленный на левом фланге взвода, должен осуществлять связь с соседом слева. Он-то и заметил первым командира роты, встал, чтобы выслушать приказание командира.

— Продолжайте наблюдать, — сказал Голушко.

Ефрейтор занял прежнюю позицию, а ротный подошел к Евстигнееву. Он и раньше часто останавливался около Семеныча, чтобы переброситься несколькими словами. Приятно просто по-

быть рядом с душевным человеком. Кто-кто, а уж Семеныч всегда найдет, чем согреть человека, будь это командир или рядовой, — все его воспринимали как доброго отца. Подойдя вплотную к солдату, лейтенант кашлянул, Семеныч по голосу узнал комроты, повернулся к нему, смахнул внутренней стороной ладони слезы со щек, смущенно улыбнулся:

— От ветрюга, глаза слезой застит.

Голушко спросил:

— Трудно вам, паверпо?

— В даль-то мне хорошо видать, вблизи совсем худо, — ответил Семеныч, доставая кисет с куревом, — хороший табак, покурю за компанию.

Задымили, присев на самое дно окопа. Семеныч сказал:

— Ридышком у меня тут сын воюет, Иваном звать. Живы будем, новидаться хочу.

Голушко искренне удивился:

— Да что вы до сих пор молчали! Давно бы падо! Эх, Семеныч, Семеныч, сын же, не кто-нибудь, а вы тянете...

Голушко подвинулся, затянулся, как следует, и, бросив на дно окопа окурки, затоптал его сапогом, подал руку Семенычу, сказал:

— Вот что, Семеныч, в первую же передышку поедете к сыну, — и, покачав головой, чему-то про себя улыбаясь, комроты пошел к своему месту.

9

Утро 20 января 1945 года занималось красивым заревом. Был легкий морозец, за фиолетово-розовой полосой на востоке обозначился восход солнца. Но никого не радовала, не ободряла красота природы. Ночь прошла без минуты отдыха, постоянно всплывали бои то в одном, то в другом месте. Семеныч и Кравцев не переставали курить, молча переживая невосполнимую утрату. Вечером во время очередной контратаки фашистов был убит их командир отделения еврейтор Фомия. Один, единственный, — и даже больше не тронули вражеская пуля в этой короткой схватке. А ми — сразу насмерть.

— Тебя бы тоже поостеречься, — после долгого молчания заговорил Семеныч.

Кравцев ответил не сразу. Потом спросил:

— Семеныч, а как остерегаться на войне? В кусты спрятаться? Им же мочи за шиворотку оттуда, — засмеялся Вася короткой улыбкой и затих.

— И то верно, — согласился Евстигнеев. — Воевать — так воевать, а спать — так спать. Давай, покуда завтрак подоснеет, подремаем чуток. Не против? — взглянул Семейнич на Кравцева, который уже сидел на дне окопа с закрытыми глазами.

Но отдохнуть им не удалось. Несмотря на раннее утро, через несколько минут началась контратака противника. Обрушив артиллерийский и минометный огонь на первую линию полка, противник бросился в контратаку. Фашистские солдаты, достигая на танках наших окопов, оголтело бросались в рукопашную схватку, но, не выдерживая ответного удара советских солдат, снова откатывались назад. Однако через некоторое время делали новую попытку захватить наши позиции и снова, неся невиданные потери, вынуждены были отступить на свои прежние рубежи. Одну за одной 5-я рота отбила уже семь контратак, но озверевшие фашисты лезли в восьмой раз. Лейтенант Голушко дал команду выдвинуть приданную роте сороканятиммиллиметровую пушку на участок, на который двигалось три танка. Стреляя непрерывно из пушек, вражеские машины грозно надвигались на позицию артиллеристов. Но командир орудия Бойко выжидал, пока танки подойдут на минимальное расстояние. За орудием он стоял один, оба номера из его расчета были убиты осколками снарядов. Продолжая стрелять, три танка на большой скорости мчались на окопы 5-й роты, и вдруг из глубины вражеской обороны правее полосы действия соседнего полка, поначаваясь на холмах и буераках, метрах в ста друг от друга, появились еще какие-то две приплюснутые машины.

— Бронетранспортеры! — громко крикнул командир взвода. — Приготовить противотанковые гранаты!

Эти же слова повторил Вася Кравцев, находившийся в окопе левее своего командира.

Евстигнеев взял из ниши окопа несколько гранат, положил их на бруствер перед собой и, прижавшись к земле, стал следить за действиями бронетранспортеров.

В это время два танка продолжали беспрепятственно продвигаться вперед. Лейтенант Голушко видел, как заметались от одной стенки окопа к другой, пытаясь выпрыгнуть, два красноармейца. Лейтенант приказал командиру первого отделения, заступившему на место Фомина, успокоить паникеров. Отделенный бросился выполнять приказание, ибо при малейшем промедлении паника могла перекинуться на других солдат. Проскочив по ходам в соседний окоп, командир отделения остановился и приказал солдатам выполнить приказание взводного — приготовить противотанковые гранаты. Молодые солдаты тут же выполнили приказ и застыли в ожидании дальнейших событий.

Лейтенант Голушко видел, что танки приблизились на расстояние, с которого «сорокапятка» прямой наводкой могла поразить их, но пушка почему-то молчала. Голушко встал на ящик, чтобы взглянуть в сторону пушки. Но ее не было видно. Голушко решил, что орудие выведено из строя и бросился к тому месту, куда шли танки, чтобы помочь бойцам уничтожить их. И вдруг сквозь гул танков и вой пуль он услышал выстрел «сорокапятки» — и в тот же миг один танк остановился как вкопанный. Другие два повернули обратно...

Взглянув на правый фланг, Голушко увидел приближающиеся бронетранспортеры. Они, изменив курс, резко свернули влево и пошли прямо на окопы роты. Лейтенант через связного приказал командиру орудия Бойко перекинуть огонь на бронетранспортеры, но не успел связной передать этот приказ, как два танка снова двинулись на восток и ротный вынужден был отменить свой приказ, ибо в первую очередь нужно было уничтожить танки. Командир взвода приказал рядовым Евстигнееву и Кравцеву отразить их атаку гранатами и продолжать наблюдение за этим танкоопасным направлением. А между тем бронетранспортеры быстро приближались. Тут из соседнего окопчика выскочил Вася Кравлев и линдерицей пополз в сторону бронетранспортера. Семенычу хотелось остановить парня, но понимая, что это невозможно, так как солдат его не услышит, он стал лихорадочно соображать, как выручить друга из беды. В это время с бронетранспортера пачали спрыгивать немецкие солдаты и с пьяным криком бросаться к окопам, называя нашим рукопашную схватку. Советские воины не отступали, с возгласами «Ура!» встречали пьяных фашистов и быстро уничтожали их. Однако бронетранспортер продолжал продвигаться вперед, а за ним пряталась группа немецких солдат и стреляла из автоматов вправо и влево от своего бронированного укрытия. Не достигнув цели, разорвалась брошенная Васей связка гранат, вметнув перед машиной огненное облако, но бронетранспортер тут же выпрыгнул из-за него и прошел по тому месту, где только что был Кравцев.

— Васи! Васи! — все еще не веря, что того уже нет в живых, и отчаянно закричал старый солдат...

На левом фланге задымили от снарядов, выпущенных командиром орудия Бойко, оба танка. «Повернул бы сюда орудие», — подумал ротный, но передать приказание было не с кем, артиллеристу из-за бугра не видно продвижение бронетранспортера. «Собравши, — опять мелькнула мысль у командира. — Вот почему они меняют курс — прячутся за бугор, значит, знают, где стоит пушка», — думал Голушко. А бронетранспортер все приближался.

За ним, пригнувшись, кралась большая группа фашистских солдат. Расстреливая наши позиции, они ожесточенно рвались вперед.

Увидев, как оторвавшись от бронетранспортера, большая группа фашистских солдат устремилась на позиции роты, Семеныч бросил в самый центр их скопления противотанковую гранату. Когда развеялся дым от взрыва, он увидел серо-пеструю машину, мчащуюся прямо на него. Покачиваясь на перовностях местности, она временами сливалась с бело-черной землей, развороченной снарядами и минами. Евстигнеев увидел, что бронетранспортер идет с подкреплением. Облепив машину со всех сторон, сидели фашистские солдаты. Еще минута, и они пройдут его, тогда не выдержат наши такого превосходства в силе. Повернув на мгновение голову в сторону сражающихся, Евстигнеев увидел, как отбиваются его товарищи от наседающих немцев, но не оставляют врагу своих позиций.

В невероятном напряжении сил Евстигнеев сделал прыжок и оказался на передней части транспортера, фашисты даже не успели обнаружить его, как были выброшены взрывами нескольких гранат. Но машина продолжала двигаться. Тогда Семеныч открыл дверь кабины экипажа и бросил в нее гранату. Машина задымилась и завертелась на одном месте. Семеныч прыгнул с нее и двумя короткими перебежками достиг своей траншеи. Три связки гранат, — «последние», — подумал Семеныч, — лежали на прежнем месте. Одну он подоткнул под ремень, две взял в руки и прилег за бруствер.

Бои шли справа и слева. Отдельные группы фашистов достигали наших траншей и вступали в рукопашную схватку с солдатами 5-й роты, которые встречали их автоматным огнем и штыками. Не выдержав рукопашной схватки, фашисты отступили. Но через некоторое время, получив пополнение, они снова начали атаку. Семеныч наблюдал за фашистским тылом, чтобы вовремя обнаружить боевую технику врага. И вскоре увидел, как из-за холма появилась следующая машина. С ее приближением залегшие фашисты приготвоились к броску.

— Семеныч! — услышал он голос командира роты, — останови!

Бронетранспортер быстро подходил к нашим позициям. Вот он поровнялся вначале со своими солдатами, лежавшими наизготове, сбавил скорость, давая десантникам возможность пристроиться за ним и вновь рванулся с прежней скоростью. Семеныч не спускал с него глаз, сосредоточиваясь на решительные действия.

Бронетранспортер был уже совсем рядом. Семеныч попробовал на вес связку гранат и, убедившись, что она очень тяжела, решил ближе поддуть фашистскую машину, чтобы поразить ее на верняка. Выбравшись как можно незаметнее из-за бруствера, он

пополз к своей цели. Резкий треск мотора заглушил шум боя, и Семеныч ничего не видел перед собой — только серо-пеструю машину. «Ближе, чуть ближе, еще ближе», — шептал Семеныч, прижимаясь всем телом к земле, чтобы не обнаружил враг. Если водитель заметит вовремя, машина свернет, потом договорит. «Нет уж, — шептал бывалый солдат, — не уйдешь, не уйдешь, не уйдешь...» Но враг заметил его, и бронетранспортер, резко сбавив ход и сбрасывая с себя десантников, не удержавшихся во время торможения, круто стал сворачивать вправо, уходя от Евстигнеева. Чтобы не упустить врага, Семеныч быстро встал и бросился наперерез... Раздался взрыв, и поверженная машина опрокинулась и задымилась...

Выписка из наградного листа:

Евстигнеев Александр Семенович — рядовой, стрелок 1085-го стрелкового Тарнопольского Краснознаменного полка 322-й стрелковой Житомирской Краснознаменной дивизии, 1894 года рождения, участник войны с мая месяца 1942 года, в армии с 18 февраля 1942 года, призван Стерлитамакским райвоенкоматом БАССР.

Рядовой Евстигнеев 20 января 1945 года при отражении контратаки противника проявил образцы героического поступка. Вскочив на бронетранспортер противника, гранатами уничтожил его экипаж.

В момент, когда противник предпринял яростную контратаку, Евстигнеев, жертвуя собой, чтобы не допустить бронетранспортер в боевые порядки нашей пехоты, со связкой гранат бросился под гусеницы вражеской машины, подорвал ее и вместе с ней погиб как отважный патриот и герой нашей Родины.

Контратака противника была сорвана.

За проявленный героизм рядовой Евстигнеев достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Николай 28-го стрелкового Львовского корпуса гвардии генерал-майор М. О. Зимин.
1944 — 1945 г.

Утвердил:

Командующий войсками 60-й армии генерал-полковник Куртенин.

1000-й стрелковый полк, сорвав контратаку противника, в этот день вывел на оперативный простор, создав тем самым благоприятные обстановку для частей, действовавших справа и слева от него. Но на следующий день, 21 января, фашисты подбросили танки своим и продолжали оказывать на этом участке яростное

сопротивление, и 1-му стрелковому батальону пришлось отбить 8, 2-му — 19 контратак. В этих боях отличились командир батальона Гусев, командир 5-й стрелковой роты Голушко, который в одной из очередных контратак противника был тяжело ранен и отправлен в госпиталь.

Быстро разлетелась весть по дивизии и армии о героическом подвиге Александра Семеновича Евстигнеева, которого в 1085-м стрелковом полку знали почти все. Рядом с покореженной фашистской машиной нашли его останки, которые были захоронены в братской могиле с его друзьями-однополчанами. А дома долго никто не знал о героическом подвиге отца, мужа и деда. И лишь год спустя в Пестровку, на родину А. С. Евстигнеева пришло правительственное письмо. В нем говорилось:

«Уважаемая Ксения Николаевна!

По сообщению военного командования, Ваш муж красноармеец Евстигнеев Александр Семенович погиб смертью храбрых в бою за Советскую Родину.

За героический подвиг, совершенный Вашим мужем Евстигнеевым Александром Семеновичем в борьбе с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 10 апреля 1945 года присвоил ему высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза.

Посылаю Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему мужу звания Героя Советского Союза для хранения как память о муже — герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Шверник».

Прошли годы, постепенно стали зарубцовываться раны, нанесенные войной — и на людях, и во всей жизни народа, но никогда не забудет человечество провавший фашизм и дорогие имена тех, кто отдал свою жизнь в борьбе с ним. Помнят Александра Семеновича Евстигнеева его односельчане. Они увековечили его память, установив бронзовый бюст, построенный на свои средства, в центре села Пестровки, напротив здания школы, на самом возвышенном месте. У его постамента лежат цветы. В день великого праздника нашего народа — 9 Мая сюда приходят ветераны войны и молодое поколение, чтобы еще раз продемонстрировать свою преданность вокруг ленинской партии в борьбе за мир. Гордый и смелый взор Героя как бы напоминает людям: «Берегите мир, любите Родину!»

Жители Стерлитамакского района свято хранят память о тех, кто не вернулся с фронтов Великой Отечественной войны, они гордятся своими земляками Героями Советского Союза А. С. Евстигнеевым, Г. И. Басмановым, И. В. Пятяри, Г. С. Пулькиным, А. В. Трошиным и другими. Их именами названы улицы города и сел, школы, пионерские дружины и коллективные хозяйства. Память о них вечна в народе.

А какова же судьба четверых сыновей-фронтовиков Семельча? — может спросить читатель. На это можно ответить одним словом. Счастливая. Все они воссали до Дня Победы, вернулись в родные края, много лет работали в родном колхозе, сейчас на заслуженном отдыхе. Особая доля, если можно так сказать, выпала на Ивана-младшего, который к своим четырем фронтовым орденам прибавил еще четыре ордена за наилучшие достижения на мирном поприще. Ему довелось сразу же в послевоенные годы восстанавливать хозяйство в родном селе. Двадцать пять лет он был бессменным председателем одного из крупных в Стерлитамакском районе — колхоза «Дружба». Со своими братьями Иваном-старшим, Михаилом, Николаем он, как ветеран войны и труда, много времени отдает патристическому воспитанию молодого поколения.

Иван Александрович — младший Евстигнеев переписывается со своими однополчанами, ездит на встречи ветеранов войны, рассказывает о жизни и подвиге своего отца, о преемственности поколений. О его боевом пути и о деятельности в мирное время рассказывал в газете «Советская Башкирия» бывший командир полка, в котором служил в годы Великой Отечественной войны И. А. Евстигнеев, ныне полковник в отставке Герой Советского Союза А. П. Дмитриев. И я не удержался от того, чтобы не повторить здесь несколько замечательных мыслей, так как они являются принятым продолжением биографии его отца.

Семья Евстигнеевых из деревни Нестровка хорошо известна в Стерлитамакском районе. Известна именем погибшего на войне Александра Семеновича Евстигнеева, удостоенного звания Героя Советского Союза, известна боевыми подвигами четырех его сыновей, историей, когда солдатские пиелды, стали гвардейцами мирного фронта. Иван Александрович Евстигнеев — один из этой славной династии. Через Сталинград, Курскую дугу, Полтаву, Днепр, Днепр, Балатон и Будапешт пролег его боевой путь. Многими именными наградами отмечен ратный труд этого солдата.

Привлекая в свое время мне копию одной фронтовой фотографии, Иван Александрович Г. М. Мануйлов, проживающий ныне в Челябинске, рядом с фамилией Ивана Александровича сделал такую

приписку: «Талантливый человек!» А в письме другого нашего товарища были такие строки о нем: «Замечательный он товарищ... Человек, всем нам очень дорогой». Я искренне присоединяюсь к этим теплым отзывам об Иване Александровиче Евстигнееве.

...В первые дни января сорок третьего года наш полк стоял под Карповкой, на переднем крае «Сталинградского котла». Перед генеральным наступлением по ликвидации окруженной фашистской группировки было приказано овладеть укрепленной высотой 129. И вот в какой-то момент боя минометная батарея, в составе которой действовал расчет старшины Евстигнеева, оказалась без связи с командиром, а немцы ринулись в контратаку. Наша операция могла сорваться. Нужен был кратковременный, но до предела плотный огонь по врагу. А ведение его затруднялось морозом. Ведь прежде чем опустить мину в ствол, с ее уплотнительного кольца надо снять слой масла. Летом это лустяк, а на морозе «пушало» становилось, как кость. Старшина Евстигнеев предложил комбату Волюнову: «Пусть все батареи готовят мины и подают мне!», а сам встал у своего миномета заряжающим. И открыл поистине шквальный огонь. Высота была взята, а на груди умелого минометчика появился первый орден Красной Звезды.

Дерзкие и рискованные маневры огневymi средствами И. А. Евстигнеев на моей памяти применял неоднократно. Помню, уже за Днепром между соседними полками образовался разрыв километра в три. Выпущий в то время старшим на батарее Евстигнеев понял, что гитлеровцы не преминут воспользоваться брешью в наших боевых порядках, и приготовил им встречу.

Выждав, когда фашисты пошли в контратаку, он вынес свой миномет на открытую позицию, как мы говорили — на углемер тридцать ноль-ноль, за считанные секунды пристрелялся и буквально забросал противника минами, которые опять же готовили остальные расчеты. Так появился у него второй орден Красной Звезды.

И уже в Западной Украине, под селом Красна, в неожиданно сложившихся условиях старшина Евстигнеев обеспечил такой же плотный огонь и спас пехотный батальон от тяжелых потерь. Грудь его украсил орден Отечественной войны I степени. При встрече я с удовлетворением узнал, что ратное мастерство этого умелого воина в боях за Будапешт отмечено орденом Богдана Хмельницкого.

Более двадцати лет возглавляет Иван Александрович Евстигнеев колхоз «Дружба». Надо поимать, неплохо поработал, если за мирный труд к его боевым наградам прибавились ордена «Знак Почета», Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции. Как бывший командир этого солдата горжусь им».

Душевная щедрость, доброта, трудолюбие, чувство патриотизма присущи и остальным детям Александра Семеновича Евстигнеева.

На статью А. П. Дмитриева откликнулась бригада проводников поезда № 99—100 (Уфа — Ульяновск). Бригадир Римма Ивановна Алферова писала:

«...Мы с подругами узнали о подвиге Вашего отца Александра Семеновича Евстигнеева, героически погибшего при защите нашей страны от фашистов.

Мы решили посвящать свои маршруты Герою Советского Союза Александру Семеновичу Евстигнееву — нашему славному земляку».

Авторы письма просили прислать фотографию героя, подробнее рассказать о его жизни и подвиге.

На имя Р. Алферовой ушла, кроме фотографии, документов, искренняя благодарность всей большой семьи Евстигнеевых.

Члены бригады побывали в Стерлитамакском музее, где есть уголок Героя Советского Союза Александра Семеновича Евстигнеева. Сняли копии с документов, записали рассказы о нем и создали у себя в поезде небольшой музей, чтобы пассажиры тоже знали о жизни и подвиге Александра Семеновича.

Нравечно остаются в памяти народа имена тех, кто отдал свою жизнь ради его счастья и процветания.

Далеко от Башкирии на восточной окраине Борск-Фолески покоится прах отважного воина. Два народа — советский и польский, дружба которых скреплена кровью на поле в жестоких битвах в финском, свято чтут имена тех, кто отдал за победу свои прекрасные жизни. Никогда не сотрется в памяти и имя славного сына Урала Александра Семеновича Евстигнеева, оставившего добрый и светлый след на земле.